

ПЯТИКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ
ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА

ЛУИЗА ПЕННИ

Эта прекрасная
тайна

Потрясающе. Пенни, как настоящий виртуоз,
исполняет сложные вариации на тему ключа к разгадке,
спрятанного на самом видном месте.

Publishers Weekly

Луиза Пенни
Эта прекрасная тайна
Серия «Звезды мирового детектива»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18659654

Эта прекрасная тайна: Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2016

ISBN 978-5-389-11379-4

Аннотация

Роман «Эта прекрасная тайна» продолжает серию расследований блистательного старшего инспектора Армана Гамаша – нового персонажа, созданного пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи.

В этом уединенном монастыре, затерянном в дебрях Квебека, почти всегда царит тишина, прерываемая лишь старинными песнопениями. Прекрасные голоса монахов зачаровывают всех, кому посчастливится их услышать, и кажется, что рядом с этой красотой нет места злу. Однако в монастыре происходит убийство, и старший инспектор Арман Гамаш начинает расследование, не подозревая, что и сам вскоре станет жертвой – жертвой предательства, совершенного самым преданным его помощником...

Впервые на русском языке!

Содержание

Пролог	5
Глава первая	13
Глава вторая	29
Глава третья	39
Глава четвертая	50
Глава пятая	65
Глава шестая	84
Глава седьмая	93
Глава восьмая	107
Глава девятая	120
Глава десятая	144
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Луиза Пенни

Эта прекрасная тайна

*Эта книга посвящается тем, кто опускается
на колени, и тем, кто поднимается во весь рост*

Пролог

В начале девятнадцатого века Католическая церковь поняла, что у нее есть одна проблема. Нужно признать, что проблем у нее, вероятно, имелось гораздо больше. Но та, что занимала тогда церковь в первую очередь, была связана с Литургией часов¹, включавшей восемь ежедневных молитв, во время которых звучали песнопения. Хоралы. Григорианские песнопения. Простые одноголосные мелодии, исполнявшиеся смиренными монахами.

Если уж называть вещи своими именами, то Католическая церковь потеряла Литургию часов.

Различные службы в течение дня продолжали отправляться. То, что считалось григорианскими песнопениями, продолжало звучать время от времени то в одном, то в другом монастыре, однако даже в Риме признавали: эти песнопения так далеко ушли от оригинала, что их можно назвать искаженными, даже варварскими. По крайней мере, в сравнении с изящными, прекрасными мелодиями, исполнявшимися на несколько веков раньше.

Но один человек знал, как решить проблему.

В 1833 году молодой монах отец Проспер², который вос-

---

¹ *Литургия часов* – в Римско-католической церкви наименование богослужений, которые должны совершаться ежедневно в течение дня.

² *Проспер Геранже* (1805–1875) – литургист, историк церкви, настоятель бене-

становил и возглавил монастырь во французском Солеме, задался целью возродить оригинальные григорианские песнопения.

Однако тут возникла еще одна проблема. В результате поисков, проведенных настоятелем, выяснилось, что никто не имеет представления о том, как звучали первые песнопения. Никаких записей самых ранних хоралов не было. Они появились в такой древности – более тысячи лет назад, – что предвосхитили появление нотной грамоты. Их заучивали на слух в течение долгих лет и передавали по памяти из поколения в поколение. Те песнопения отличались простотой, но в самой их простоте и содержалась сила. Первые песнопения были утешительными, созерцательными, притягательными.

Древние песнопения оказывали такое сильное воздействие на тех, кто их пел или слышал, что им дали название «прекрасная тайна». Монахи считали, что они поют слова Господа спокойным, утешительным, завораживающим голосом Господа.

Отец Проспер знал, что в девятом веке, за тысячу лет до его времени, некий монах тоже задумывался о тайне песнопений. По церковному преданию, ему было откровение, и он решил сделать запись песнопений, чтобы сохранить их

диктинского монастыря в Солеме. Геранже был известен как борец за устранение во Франции локальных литургических практик и за восстановление единой римской богослужебной традиции.

для потомков. Слишком многие тупоголовые послушники совершали слишком много ошибок, пытаясь заучить хоралы. Если слова и музыка этих песнопений имели воистину Божественную природу (а монах верил в это всем сердцем), то для их сохранения требовалось что-то более надежное, чем человеческая голова.

Из каменной кельи своего монастыря отец Проспер видел того монаха, – видел, как он сидит точно в такой же аскетической комнате. Как он подтягивает к себе отрезок ягнячьей кожи – пергамента – и макает гусиное перо в чернильницу. Текст – слова – он записывал, конечно, на латыни. Псалмы. А когда закончил, вернулся к началу. К самому первому слову.

Его перо замерло.

Что дальше?

Как записать музыку? Как передать нечто столь неуловимое? Он попытался составить инструкции, но они получились совершенно неудобоваримыми. Одними лишь словами невозможно передать, как музыка возвышает человека, как поднимает его до божественного состояния.

Монах пребывал в замешательстве. Дни и недели вел он монашеское существование. Вместе с другими молился и работал. И снова молился. Исполнял песнопения Литургии часов. Обучал рассеянных молодых послушников.

И в один прекрасный день он заметил, что певцов привлекает его правая рука, при помощи которой он управляет их

голосами. Вверх, вниз. Быстрее, медленнее. Тихо, спокойно. Слова они заучили, но в том, что касается музыки, руководствовались движениями его руки.

В тот день после вечерни этот безымянный монах сидел рядом с горящей драгоценной свечой, просматривал псалмы, так тщательно записанные им на пергаменте. Он обмакнул перо в чернильницу и записал первую ноту.

Это была волнистая линия над словом. Одна короткая изогнутая линия. Потом он изобразил еще одну. Потом еще. Он изображал свою руку. Стилизованно. Показывая какому-то невидимому монаху, что нужно взять на тон выше. Еще выше. Держать. Подняться чуть выше. Задержаться там на мгновение, а затем свалиться, скатиться вниз в головокружительном музыкальном падении.

Он рисовал и напевал себе под нос. Его простые знаки в виде руки порхали по пергаменту, а с ними оживали и слова, поднимались над столом. Обретали способность летать. Летать радостно. Монах слышал, как к нему присоединяются голоса еще не родившихся братьев, поющих те же псалмы, что освободили его и вознесли его сердце на небеса.

Пытаясь проникнуть в прекрасную тайну, монах изобрел музыкальное письмо. Но еще не ноты – его знаки стали известны под названием «невмы».

Столетия спустя это простое песнопение эволюционировало в сложное. Добавлялись инструменты, созвучия, что привело к появлению аккордов, нотного стана и, нако-

нец, музыкальных нот. До-ре-ми. Родилась современная музыка. «Битлз», Моцарт, рэп, диско, «Энни получает ваше оружие»³, Леди Гага – все они плоды того древнего семени. Все они восходят к монаху, изобразившему свою руку. Монаху, который напевал себе под нос, дирижировал и стремился к Божественному.

Григорианские песнопения лежат в основе западной музыки. Но они были практически убиты ее неблагодарными детьми. Похоронены. Утрачены и забыты.

До начала девятнадцатого века, когда настоятель Проспер, которого огорчала вульгарность церкви и потеря простоты и чистоты, решил, что пришло время возродить изначальное григорианское песнопение. Найти голос Господа.

Его монахи отправились на поиски по всей Европе. Они обыскивали монастыри, библиотеки, просматривали коллекции. С единственной целью: найти оригинальные древние манускрипты.

Монахи вернулись со множеством сокровищ, затерявшихся в библиотеках и коллекциях отдаленных уголков Европы. И вот настоятель Проспер решил, что одна книга хоралов, исписанная выцветшими от времени невмами, и есть оригинал. Первая и, вероятно, единственная в своем роде письменная запись того, как должны звучать григорианские песнопения. Запись, сделанная на ягнячьей коже почти тысячу лет назад.

---

³ Американский киномюзикл 1950 года.

И, как это нередко случается, когда слуги Господа не сходятся во мнении, разразилась война. Бенедиктинский монастырь в Солеме и Ватикан обменивались залпами хоралов. Каждый настаивал, что именно их исполнение ближе к оригиналу, а следовательно, ближе к Божественному. Ученые, музыковеды, знаменитые композиторы и скромные монахи высказывали свое мнение. Принимали ту или иную сторону в войне, которая набирала обороты и вскоре превратилась в войну за власть и влияние, а не за простые голоса, поющие осанну Господу.

Кто нашел оригинальные григорианские песнопения? Как следует исполнять Литургию часов? Кто владеет голосом Господа?

Кто прав?

Наконец тридцать лет спустя между учеными возникло тихое согласие. А потом эту проблему еще тише похоронили.

Правых в этом споре не было. И хотя монахи из Солема почти наверняка подошли к истине гораздо ближе, чем Рим, оказалось, что и они не вполне правы. Их находка имела огромную историческую ценность, но... оставалась неполной.

Не хватало какой-то части.

У песнопений имелись слова и невмы, указания, когда монахи должны петь громче, а когда – тише. Когда нота выше, а когда – ниже.

Но чего у них не было, так это точки отсчета. Выше от-

носительно чего? Громче по сравнению с чем? Как если бы нашли подробную карту острова сокровищ, только без указания координат острова.

Всего лишь...

Бенедиктинский монастырь в Солеме быстро заявил о себе как о новом доме старых песнопений. Ватикан в конце концов сдался, и через несколько десятилетий Литургия часов вернула прежнее значение. Воскрешенные григорианские хоралы снова зазвучали в монастырях по всему миру. Простая музыка давала истинное утешение. Хоралы звучали в мире, который становился все более шумным.

И настоятель монастыря в Солеме отошел в мир иной, будучи уверен в том, что он добился чего-то важного, полезного и исполненного смысла. Что он возродил прекрасную и простую традицию. Восстановил искаженные песнопения, вернул их к чистому состоянию и одержал победу над самоуверенным Римом.

Но в глубине души он знал и другое: да, он победил, но цели не достиг. Да, то, что все теперь называли григорианскими хоралами, почти соответствовало оригиналу. Почти обрело божественность. Но не вполне.

Потому что песнопения не имели точки отсчета.

Отец Проспер, и сам одаренный музыкант, не мог поверить, что монах, сумевший записать первые хоралы, не сообщил будущим поколениям о точке отсчета. Им пришлось строить догадки. И вроде бы у них получилось. Но все-таки

лучше, когда знаешь наверняка.

Настоятель страстно утверждал, что найденная его монахами рукопись является оригиналом. Но сейчас, на смертном одре, он позволил себе усомниться. Он представил, как тот, другой монах, точно в такой же мантии, склоняется над рукописью при свете свечи.

Монах завершает первое песнопение, создает первые невмы. А что потом? Пребывая на грани сознания, балансируя между этим миром и тем, что ждет нас после смерти, отец Проспер понял, что должен был сделать тот монах. Тот неизвестный монах должен был сделать то, что он и сделал.

Отец Проспер яснее своих братьев, тихо напевавших молитвы у его одра, видел того давно умершего монаха, склонившегося над столом. Монах вернулся к самому началу. К первому слову. И поставил еще один знак.

В самом конце жизни настоятель Проспер понял, что точка отсчета есть. Но найдет ее уже не он, а кто-то другой. Найдет и разгадает эту прекрасную тайну.

Глава первая

Когда в Благодатной церкви смолкла последняя нота, в помещении воцарилась тишина, а с ней возникло еще большее беспокойство.

Тишина длилась. И длилась.

Монахи давно привыкли к тишине, но такая тишина даже им казалась чрезмерной.

И все же они неподвижно стояли в своих длинных черных мантиях с белым верхом.

Ждали.

Они давно привыкли и к ожиданию. Но такое ожидание тоже казалось чрезмерным.

Наименее дисциплинированные из них косили глазом на высокого, стройного пожилого человека, который вошел последним, а выйти должен первым.

Настоятель Филипп стоял с закрытыми глазами. Если раньше тот момент, когда ночная служба уже закончена и пора подавать знак для колоколов к «Ангелусу», был моментом полного душевного покоя, абсолютного единения с Богом, то теперь это был просто уход от реальности.

Настоятель закрыл глаза, потому что не хотел видеть.

К тому же он знал, что увидит. То, что и всегда находилось там. За сотни лет до его появления на свет и, если это будет угодно Господу, останется еще на сотни лет, после того

как его прах унесут на кладбище. Два ряда монахов по одну сторону от него, облаченных в черные мантии с белым капюшоном, подвязанные простой веревкой.

А по другую сторону от него, справа, еще два ряда монахов.

Они стояли друг против друга на каменном полу церкви, словно древние рыцари, изготовившиеся к бою.

«Нет, – сказал он своему усталому мозгу. – Нет. Я не должен думать об этом как о сражении или войне. В здоровом обществе люди имеют право на противоположные точки зрения».

Тогда почему же ему так не хотелось открывать глаза, начинать новый день?

Давать знак ударить в колокола, чтобы звон «Ангелуса» разнесся над лесами, и птицами, и озерами, и рыбами. И монахами. Донесся до ангелов и всех святых. И до Господа.

Кашель.

В этой великой тишине он прозвучал как взрыв бомбы. А уши настоятеля восприняли его как то, чем он и был.

Как вызов.

Усилием воли настоятель продолжал держать глаза закрытыми. Сохранял спокойствие. Но благодать ушла. Осталась только паника – снаружи и внутри. Он ощущал, как она исходит от безмолвно ждущих монахов, передается от одного к другому.

Он чувствовал, как она рождается внутри его.

Отец Филипп медленно досчитал до ста. Потом открыл голубые глаза и посмотрел прямо на низенького, коренастого человека, который стоял с открытыми глазами, сложив на животе руки, с еле заметной улыбкой на бесконечно терпеливом лице.

Настоятель чуть прищурился, привыкая к свету, затем поднял худую руку – подал знак. И раздался звон колоколов.

Идеальный, глубокий, сочный звон несся с колокольни и проникал в предрассветную темноту. Он скользил над прозрачным озером, лесами, округлыми холмами. Его слышали все живые существа.

И двадцать четыре человека в отдаленном монастыре в Квебеке.

Трубный глас. Их день начался.

– Ты шутишь, – рассмеялся Жан Ги Бовуар.

– Ничего я не шучу, – ответила Анни. – Клянусь, это правда.

– Ты хочешь мне сказать... – он подцепил вилкой еще один кусочек бекона, приправленного кленовым соком, – что твой отец, начав встречаться с твоей матерью, подарил ей коврик для ванной?

– Нет-нет. Это было бы смешно.

– Конечно, – согласился Бовуар и быстро доел бекон.

Откуда-то издалека доносилась музыка из старого аль-

бома «Бо Доммаж». «La complainte du phoque en Alaska»⁴. Об одиноком тюлене, который потерял свою любимую. Бовуар напевал себе под нос знакомую мелодию.

– Он подарил этот коврик моей бабушке в тот день, когда они познакомились, – подарок хозяйке за то, что пригласила его на обед, – закончила Анни.

Бовуар рассмеялся.

– Он мне этого никогда не говорил, – еле выговорил он, давась от смеха.

– Ну, отец не очень любит вспоминать об этом в светских разговорах. Бедная мама. Почувствовала, что должна выйти за него. Иначе кто бы его взял?

Бовуар снова рассмеялся:

– Насколько я понимаю, планка была установлена очень низко. Я с трудом подыскал тебе подарок еще хуже.

Он опустил руку под стол. В это субботнее утро на заливной солнцем кухне они вместе приготовили завтрак. На маленьком сосновом столе красовалось блюдо с яичницей-болтуньей, беконом и плавленым сыром бри. Начиналась осень, и перед завтраком Бовуар натянул свитер и отправился за круассанами и булочками с шоколадной начинкой в пекарню на рю Сен-Дени, за угол от дома Анни. Потом зашел еще в два-три магазина, заглянул в пару кофеен, купил све-

---

⁴ «Бо Доммаж» (фр. Beau Dommage) – канадская рок-группа, более всего известная своей песней «La complainte du phoque en Alaska» – «Жалобы аляскинского тюленя».

жие монреальские газеты и кое-что другое.

– Что там у тебя? – спросила Анни Гамаш, перегибаясь через стол.

На пол спрыгнул кот и нашел место, освещенное солнечным лучиком.

– Ничего, – ухмыльнулся Бовуар. – Какая-то штуковина, назначения которой я не понимаю, а если я чего-то не понимаю, то думаю о тебе.

Бовуар показал ей то, что принес.

– Ах ты, придурок! – рассмеялась Анни. – Это же вантуз!

– С бантиком, – уточнил Бовуар. – Это тебе, *ma chère*⁵. Мы уже три месяца вместе. Со счастливым юбилеем.

– Ну конечно, вантузный юбилей. А у меня для тебя ничего нет.

– Я тебя прощаю, – смилостивился он.

Анни взяла вантуз:

– Каждый раз, пользуясь этим инструментом, я буду думать о тебе. Хотя мне кажется, что ты будешь пользоваться им гораздо чаще. Ведь в тебе этого полным-полно.

– Как мило, – хмыкнул Бовуар, чуть наклонив голову.

Анни сделала выпад и осторожно коснулась Бовуара чашей вантуза, как фехтовальщик – острием рапиры.

Бовуар улыбнулся и отхлебнул крепкого ароматного кофе. Это так похоже на Анни. Другие женщины сделали бы вид, что этот идиотский вантуз – волшебная палочка, но Анни

---

⁵ Моя дорогая (*фр.*).

притворилась, будто у нее в руках оружие.

Жан Ги, конечно, понимал, что никакой другой женщине, кроме Анни, он не подарил бы вантуз.

– Ты мне соврал, – сказала она, снова садясь. – Папа наверняка рассказывал тебе про коврик.

– Рассказывал, – признался Бовуар. – Мы были в Гаспе, в домике браконьера, искали улики, и тут твой отец открыл кладовку и нашел не один, а целых два новеньких коврика для ванной, все еще в упаковке.

Он рассказывал, глядя на Анни. Она не сводила с него глаз, даже почти не мигала. Впитывала каждое его слово, каждый жест, каждую интонацию. Его бывшая жена Энид тоже слушала его. Но с какой-то настойчивой требовательностью. Словно он был ей чем-то обязан. Словно она умирала, а его принимала как лекарство.

Энид рассталась с Жаном Ги, опустошив его и при этом чувствуя, что ей этого недостаточно.

А вот Анни была мягче. Щедрее.

Она, как и ее отец, умела слушать внимательно и спокойно.

Бовуар никогда не говорил Энид о своей работе. Анни знала о его работе все.

И сейчас, намазывая клубничный конфитюр на теплый круассан, он рассказывал ей о домике браконьера, о том деле, о зверском убийстве целой семьи. О том, что они нашли, что чувствовали, кого арестовали.

– Коврики для ванной оказались ключевой уликой, – проговорил Бовуар, поднося круассан ко рту. – Хотя мы поняли это далеко не сразу.

– Тогда отец и рассказал тебе о собственной печальной истории с ковриком?

Бовуар кивнул, продолжая жевать. Он вспомнил, как старший инспектор в том мрачном домике шепотом рассказывал ему свою историю. Они не знали, когда ждать возвращения браконьера, и опасались, что он застанет их врасплох. Они получили ордер на обыск, но не хотели, чтобы браконьер знал об этом. И вот, пока два следователя из убойного отдела проводили обыск на скорую руку, старший инспектор рассказывал Бовуару историю про коврик. О том, как он пришел на один из самых главных обедов в своей жизни, обслуживаемый желанием произвести хорошее впечатление на родителей женщины, в которую безнадежно влюбился. И почему-то он решил, что коврик для ванной будет идеальным подарком для хозяйки.

«Как вам такое пришло в голову, сэр?» – прошептал Бовуар, поглядывая в треснутое, затянутое паутиной окно, чтобы не пропустить подлого браконьера, возвращающегося со своей добычей.

«Понимаешь... – Гамаш замолчал, видимо пытаясь вспомнить, как ему пришла в голову такая мысль. – Мадам Гамаш часто задает мне тот же вопрос. И ее мать не уставала его повторять. А вот ее отец решил, что я недоумок, и нико-

гда не поднимал эту тему. Но хуже всего то, что, когда они умерли, мы нашли этот коврик у них в кладовке – он оставался в упаковке и с ценником».

Бовуар закончил рассказывать и посмотрел на Анни. Недавно они вдвоем принимали душ, и ее волосы все еще оставались влажными. От нее исходил запах чистоты и свежести, как от лимонного деревца, растущего под теплым солнцем. Никакой косметики. Теплые тапочки и свободная, удобная одежда. Анни знала толк в моде и умела хорошо одеваться, но удобство ценила больше.

Она не была такой уж стройной. И не обладала ошеломляющей красотой. В ней не было тех качеств, которые Бовуар всегда находил привлекательными в женщине. Но Анни знала кое-что, о чем не догадывается большинство людей. Она знала, как прекрасно быть живой.

Жану Ги Бовуару потребовалось почти сорок лет, но в конечном счете он тоже понял это. И теперь знал, что нет в мире ничего прекраснее.

Анни вскоре должно было исполниться тридцать лет. Когда они познакомились, она была неуклюжим подростком. Старший инспектор только что принял Бовуара в отдел по расследованию убийств Квебекской полиции. Из сотен агентов и инспекторов, находившихся под его началом, Гамаш выбрал именно Бовуара, молодого, дерзкого агента, которого не хотели брать к себе ни в одном другом отделе, и вырастил из него своего заместителя.

Сделал его частью команды, а с годами и частью семьи.

Хотя сейчас старший инспектор даже не подозревал, в какой мере Бовуар стал частью его семьи.

– Что ж, – произнесла Анни с кривой улыбкой, – теперь у нас есть собственная туалетная история, чтобы морочить голову нашим детям. Когда мы умрем, они найдут эту штуку, – она подняла вантуз с веселенькой красной чашей, – и станут гадать, к чему бы это.

Бовуар боялся открыть рот. Понимает ли Анни, что она сейчас сказала? С какой легкостью она предположила, что у них будут дети. Внуки. Что они умрут вместе. В доме, где пахнет свежим лимоном и кофе. Где кот нашел солнечное пятнышко и нежится на нем.

Они жили вместе вот уже три месяца, однако ни разу не говорили о будущем. Но когда он услышал об этом сейчас, ее слова показались ему такими естественными. Словно они всегда строили подобные планы на жизнь. Растить детей. Стареть вместе.

Бовуар произвел несложные подсчеты в уме. Он на десять лет старше Анни и почти наверняка умрет раньше. При этой мысли он почувствовал облегчение.

Но одно не давало ему покоя.

– Мы должны сообщить твоим родителям, – сказал он.

Анни помолчала, отщипнула кусочек круассана.

– Я знаю. Не то чтобы я этого не хотела. Но... – Она обвела взглядом кухню, посмотрела в сторону заставленной книж-

ными шкафами гостиной. – Но нам так хорошо вдвоем.

– Ты побаиваешься?

– Того, как они это воспримут?

Анни задумалась, и у Жана Ги неожиданно громко застучало сердце. Он предполагал, что она тут же скажет «нет». Заверит его, что родители будут рады их решению.

Но она все еще медлила.

– Наверное, чуть-чуть побаиваюсь, – наконец ответила Анни. – Нет, они наверняка будут в восторге, но это многое меняет. Ты понимаешь?

Он понимал, но не осмеливался признаться в этом даже самому себе. Что, если шеф не одобрит их решения? Помешать им он не сумеет, но это обернется катастрофой.

«Да нет, – в сотый раз сказал себе Жан Ги, – все будет хорошо. Шеф и мадам Гамаш будут рады. Очень рады».

Но ему хотелось уверенности. Знания. Этого требовал его характер. Он зарабатывал себе на жизнь тем, что собирал факты, и эта неопределенность угнетала его. Единственная тень в жизни, неожиданно ставшей такой светлой.

Бовуар не мог и дальше продолжать обманывать шефа. Он убедил себя, что он не лжец, просто его частная жизнь никого не касается. Но в глубине души чувствовал себя предателем.

– Ты правда считаешь, что они будут рады? – спросил он Анни, досадуя на себя за легкую дрожь в голосе.

Но Анни либо ничего не заметила, либо не придавала это-

му значения. Она наклонилась к Бовуару, облокотившись на сосновую столешницу, усыпанную крошками от круассана, и взяла его руку в свои теплые ладони.

– Когда узнают, что мы вместе? Отец будет очень счастлив. Это мать тебя ненавидит...

Увидев, что он нахмурился, она рассмеялась и сжала его руку:

– Да шучу я! Она тебя обожает. С первого дня. Ты же знаешь, они считают тебя членом семьи. Вторым сыном.

Бовуар смутился, почувствовав, как покраснели его щеки от этих слов, но Анни опять сделала вид, что ничего не заметила.

– Тогда в наших отношениях можно усмотреть элементы инцеста, – выдавил он.

– Да, – согласилась Анни, отпуская его руку, чтобы глотнуть кофе с молоком. – Мечта моих родителей сбывается. – Она рассмеялась, отпила кофе и поставила чашку. – Ты знаешь, отец будет в восторге.

– Но и удивится тоже?

Анни помедлила с ответом:

– Наверное, он будет ошарашен. Забавно, правда? Отец всю жизнь ищет улики, строит гипотезы. Собирает вещественные доказательства. Но не видит того, что происходит у него под носом. Наверное, потому, что это слишком близко.

– От Матфея, десять, тридцать шесть, – пробормотал Бо-

вуар.

– Что?

– Твой отец не устает повторять нам в отделе эту цитату. Один из первых его уроков для новичков.

– Цитату из Библии? – переспросила Анни. – Но родители никогда не ходят в церковь.

– Вероятно, он узнал про нее у своего наставника, когда поступил в полицию.

Раздался звонок телефона – не настойчивый трезвон стационарного, а веселый, всепроникающий звук мобильного. Это был телефон Бовуара. Жан Ги побежал в спальню, схватил мобильник с тумбочки.

На экране высветился не номер, а только слово.

«Шеф».

Он чуть было не нажал сразу на зеленый значок трубки, но вовремя остановился. Вышел из спальни в наполненную светом гостиную Анни. Не мог он разговаривать с шефом, стоя перед кроватью, на которой утром занимался любовью с его дочерью.

– Oui, allô?⁶ – спросил он, стараясь говорить непринужденным тоном.

– Извини, что побеспокоил тебя, – раздался знакомый голос, звучавший одновременно расслабленно и властно.

– Ничего страшного, сэр. Что-то случилось?

Бовуар кинул взгляд на часы на каминной полке. 10:23

---

⁶ Да, алло? (*фр.*)

субботнего утра.

– Убийство.

Значит, звонок был срочный. Не приглашение на обед. Не какой-то кадровый вопрос и не подготовка дела для суда, а призыв к оружию. Звонок извещал о том, что случилось нечто ужасное. И хотя Бовуар вот уже больше десятилетия слышал это слово, каждый раз его сердце содрогалось. Пускалось вскачь. И даже немного пританцовывало. Не от радости при получении известия об ужасной и преждевременной смерти. А оттого, что они с шефом и другими сотрудниками снова выходят на след.

Жан Ги Бовуар любил свою работу. Но сегодня, в первый раз в жизни, он кинул взгляд в сторону кухни и увидел в дверном проеме Анни, которая смотрела на него. И с удивлением обнаружил, что любит не только работу.

Бовуар схватил свой ноутбук, уселся на диван Анни и наскоро записал детали. Закончил и посмотрел на то, что получилось.

– Святое дерьмо, – прошептал он.

– Как минимум, – согласился старший инспектор Гамаш. – Подготовь все, ладно? И пока только мы с тобой. Когда приедем, возьмем с собой местного агента.

– А инспектор Лакост разве не нужна? Пусть бы организовала работу криминалистов на месте преступления и уехала. Старший инспектор Гамаш ответил без промедления:

– Нет. – Он издал короткий смешок. – Боюсь, что кри-

миналистами в данном случае будем мы с тобой. Надеюсь, ты помнишь, как это делается.

– Я прихвачу с собой Гувера⁷.

– Bon⁸. Я уже положил в карман увеличительное стекло. – После небольшой паузы голос в трубке зазвучал более деловито: – Нам нужно добраться туда как можно скорее, Жан Ги.

– D'accord⁹. Позвоню кое-кому и буду у вас через пятнадцать минут.

– Через пятнадцать? Это из центра-то города?

Бовуар почувствовал, как сердце на мгновение остановилось. Его маленькая квартирка находилась в центре Монре-аля, а Анни жила в квартале Плато-Мон-Руаяль, в нескольких кварталах от дома родителей в Утремоне.

– Суббота. На дорогах пусто.

Гамаш рассмеялся:

– С каких это пор ты стал таким оптимистом? Буду ждать, когда бы ты ни приехал.

– Я быстро.

Бовуар тут же сделал несколько звонков и отдал организационные распоряжения. Потом побросал в сумку разную одежду.

– Многовато белья, – заметила Анни, усевшись на кро-

---

⁷ Вероятно, имеется в виду Эдгар Гувер, один из директоров ФБР, автор нескольких книг по юриспруденции.

⁸ Хорошо (*фр.*).

⁹ Ясно (*фр.*).

вать. – Это надолго?

Тон был беспечным, но в ее позе ощущалось напряжение.

– Ты же меня знаешь, – ответил Бовуар, отвернувшись, чтобы засунуть пистолет в кобуру. Анни знала, что он берет оружие, но не хотела этого видеть. Даже для женщины, умеющей принимать реальность, оружие было штукой слишком уж реальной. – Слава богу, у нас есть вантуз, иначе мне бы требовалось больше трусов.

Она улыбнулась, и это его порадовало.

У дверей Бовуар остановился и поставил сумку на пол.

– Je t'aime¹⁰, – прошептал он на ухо Анни, прижимая ее к себе.

– Je t'aime, – прошептала она в ответ. – Береги себя, – сказала она, когда они разомкнули объятия. А потом, когда он уже начал спускаться по лестнице: – И пожалуйста, присматривай за моим отцом.

– Непременно. Обещаю.

Когда его машина исчезла из виду, Анни Гамаш закрыла дверь и прижала руку к груди.

Неужели точно такое же чувство все эти годы испытывала ее мать?

Что чувствовала ее мать в такие моменты? Так же принимала к двери, глядя, как исчезает из виду ее сердце? Отпустив его...

Анни подошла к книжным шкафам в гостиной. Минута –

---

¹⁰ Я тебя люблю (фр.).

и она нашла то, что искала. Библию, подаренную ей родителями на ее крещение. В церковь они не ходили, но ритуалы соблюдали.

И Анни знала, что, когда у нее появятся дети, она их тоже будет крестить. Они с Жаном Ги подарят им Библии в белом переплете с их именами и датами крещения.

Она посмотрела на плотную первую страницу. Да, конечно, там стояло ее имя. Анна Дафна Гамаш. И дата. Написанная рукой ее матери. Но вместо крестика под ее именем родители нарисовали два маленьких сердечка.

Анни села на диван, глотнула остывшего кофе, принялась листать незнакомую книгу и наконец нашла то, что искала.

Матфей, 10: 36.

– «И враги человеку – домашние его», – вслух прочла она.

Глава вторая

Открытая алюминиевая лодка рассекала волны, то и дело подпрыгивая, и брызги холодной воды летели в лицо Бовуару. Он мог пересесть ближе к корме, но ему нравилось сидеть на крохотном треугольном сиденье на самом носу. Он наклонился вперед, подозревая, что выглядит как возбужденный ретривер на охоте.

Но это его не волновало. Он только радовался, что у него нет хвоста, который подмочил бы его репутацию молчуна. Да, хвост для следователя убойного отдела стал бы большим недостатком.

Рев мотора, подскоки, рывки – все это воодушевляло Бовуара. Ему нравились даже бодрящие брызги и аромат свежей воды и леса. И едва ощутимый запах рыбы и червей.

Пока не возникало необходимости перевозить следователей убойного отдела, эта маленькая лодка явно использовалась для ловли рыбы. Не на продажу – для таких дел она не вышла размером, и к тому же это отдаленное озеро не предназначалось для коммерческой ловли, – а для удовольствия. Лодочник забрасывал блесну в прозрачные воды скалистой бухты. Сидел весь день, время от времени закидывал блесну. И крутил катушку.

Закидывал. И крутил. Наедине со своими мыслями.

Бовуар взглянул на корму. Большой обветренной рукой

лодочник держал румпель подвешного мотора. Другая его рука лежала на колене. Он тоже наклонил корпус вперед, как его научили еще в детстве. Его пронзительно-голубые глаза смотрели вперед. На бухты, островки и проливы, издавна знакомые ему.

«Какое, наверное, удовольствие, – подумал Бовуар, – всю жизнь заниматься одним и тем же. Прежде одна эта мысль вызывала у него отвращение. Рутинa, повторы. Настоящая смерть. Или как минимум смертельная скука. Скука предсказуемой жизни.

Но в последнее время Бовуар начал сомневаться в своей правоте. Вот сейчас он неся в открытой лодке к новому делу. Брызги и ветер хлестали ему в лицо. А ему хотелось сидеть рядом с Анни и читать вместе с ней субботние газеты. Заниматься тем, чем они занимались каждый уик-энд. Снова и снова. Снова и снова. До самой смерти.

Но уж если он не может быть рядом с Анни, то вот его второе любимое занятие. Он окинул взглядом леса, скалы на берегу, пустынное озеро.

Ему попадались рабочие места и похуже.

Бовуар слегка улыбнулся лодочнику на корме. Это озеро было и его рабочим местом. Он высадит их, найдет себе тихую бухточку и достанет спиннинг.

И будет закидывать. А потом крутить.

Если подумать, это не так уж отличалось от того, чем занимались они с Гамашем. Закидывали удочку в поисках улик

и свидетелей. А потом выуживали их.

А когда приманка была достаточно большая, они вытаскивали и убийцу.

Впрочем, если только дело не приобретало совершенно непредсказуемого оборота, они обычно не съедали свою добычу.

Перед лодочником сидел капитан Шарбонно, глава отделения Квебекской полиции в Ла-Мориси. Ему было лет сорок пять – чуть больше, чем Бовуару. Атлетического сложения, энергичный, капитан казался человеком, способным подмечать все детали.

Чем он сейчас и занимался.

Капитан Шарбонно встретил их у трапа самолета и провез полкилометра до пристани, где уже ждала лодка.

– Познакомьтесь: Этьен Лего, – представил он лодочника.

Тот кивнул, явно не расположенный к более вежливому приветствию. От Лего пахло бензином, он курил, и Бовуар отступил от него на шаг.

– Боюсь, что минут двадцать нам придется провести в лодке, – сообщил им капитан Шарбонно. – Иным способом туда не добраться.

– А вы там бывали? – спросил Бовуар.

Капитан улыбнулся:

– Никогда. По крайней мере, внутри. Но иногда я ловлю рыбу неподалеку. Я, как и все, любопытен. И потом, тут прекрасная рыбная ловля. Огромные окуни и озерная форель.

Я видел этих людей издалека – они тоже ловят рыбу. Но я к ним не приближался. Думаю, они не нуждаются в чужом обществе.

Они все сели в открытую лодку и вот уже преодолели половину пути. Капитан Шарбонно смотрел вперед. По крайней мере, такое возникало впечатление. Но Бовуар понимал, что мысли этого офицера Квебекской полиции далеки от созерцания густого леса, бухточек и заливов.

Он украдкой посматривал на нечто гораздо более интересное.

На человека, сидящего перед ним.

Бовуар перевел взгляд на четвертого человека в лодке.

На старшего инспектора. Босса Бовуара и отца Анни.

Арман Гамаш был человек корпулентный, но не толстый. Как и лодочник, старший инспектор Гамаш смотрел вперед, кожа у его глаз и рта собралась в морщинки. Но в отличие от лодочника на его лице не было мрачного выражения. Темно-карие задумчивые глаза примечали все: холмы, искаленные ледниками; леса, обретающие яркие осенние цвета; скалистые берега, на которых не встречалось ни пристаней, ни домов, ни каких-либо причалов.

Дикие места. Над ними кружили птицы, которые, возможно, никогда не видели человека.

Если Бовуар был охотником, то Арман Гамаш – первопроходцем. Когда другие останавливались, Гамаш шел вперед, заглядывал в трещины, щели и пещеры, где обитали темные

существа.

Шефу перевалило за пятьдесят пять. Волосы у него на висках и за ушами чуть кудрявились и поседели. Шляпа почти скрывала шрам на левом виске. Поверх пиджака и рубашки с темно-зеленым галстуком Гамаш надел непромокаемую куртку защитного цвета. Одной большой рукой он держался за борт, и она повлажнела от холодных брызг, поднимаемых несущейся по озеру лодкой. Другая его рука покоилась на ярко-оранжевом спасательном жилете, лежащем на алюминиевом сиденье рядом с ним. Когда они стояли на пристани и смотрели на эту открытую лодку с ее удочкой, сачком и банкой, где извивались черви, с ее навесным мотором, похожим на унитаз, Гамаш передал Бовуару новехонький спасательный жилет. А когда Жан Ги попытался протестовать, шеф почти приказал ему подчиниться. Нет, он не требовал, чтобы Жан Ги надел жилет – просто чтобы взял.

На всякий случай.

И теперь жилет лежал на коленях инспектора Бовуара, и, когда лодку подбрасывало на волнах, Бовуар радовался тому, что у него есть жилет.

Он подъехал к дому шефа еще до одиннадцати. Гамаш вышел из дверей и остановился, чтобы обнять и поцеловать жену. Они замерли на несколько секунд, не разжимая объятий. Потом шеф повернулся и спустился по ступеням. На плече у него висела сумка.

Когда он сел в машину, Жан Ги ощутил слабый запах одеколона и розовой воды, и его охватило теплое чувство при мысли о том, что вскоре этот человек станет его тестем. Что его, Бовуара, дети будут сидеть на коленях у Гамаша и вдыхать этот домашний запах.

Вскоре Жан Ги станет не только почетным членом этой семьи.

Но эти мысли сопровождал шепоток: а вдруг они не обращаются этому? Что будет тогда?

Впрочем, такое было невозможно, и он прогнал эту недостойную мысль.

И еще он понял, впервые за десять лет их совместной работы, почему от шефа пахнет сандаловым деревом и розовой водой. Гамаш покупал одеколон с сандаловым запахом, а запах розовой воды он впитывал от мадам Гамаш, когда обнимал ее. Шеф носил ее аромат, как ауру. В смеси со своим собственным.

Бовуар сделал глубокий медленный вдох. И улыбнулся. Он ощутил слабый запах лимона. Анни. На миг его пронзил страх: вдруг отец узнает запах дочери? Наверное, и Анни теперь носит на себе запах лосьона «Олд спайс».

Они приехали в аэропорт еще до полудня и отправились прямо в ангар Квебекской полиции. Там они нашли пилота — она занималась прокладкой маршрута. Эта летчица не раз доставляла их в отдаленные точки, садилась на грунтовых дорогах, на зимниках, на бездорожье.

– Как я погляжу, сегодня у нас даже посадочная полоса имеется, – заметила она, садясь за штурвал.

– Ну извини, – сказал Гамаш. – Ныряй в озеро, если тебя это больше устраивает.

Летчица рассмеялась:

– Мне не впервой.

Какое-то время Гамаш и Бовуар говорили о предстоящем деле, перекрикивая шум двигателя маленькой «сессны». Но потом старший инспектор стал смотреть в иллюминатор и погрузился в молчание. Впрочем, Бовуар заметил, что шеф вставил в уши крошечные наушники и слушает музыку. И Бовуар догадывался, что это за музыка. По лицу старшего инспектора Гамаша гуляла улыбка.

Бовуар отвернулся и тоже стал глядеть в иллюминатор. Стоял кристально ясный день середины сентября, и внизу виднелись городки и деревни. Чем дальше от Монреаля, тем меньше становились деревни и тем реже они встречались. «Сессна» легла на левое крыло, и Бовуар понял, что пилот ведет самолет вдоль петляющей реки. На север.

Они летели все дальше и дальше на север, размышляя каждый о своем. Поглядывали в иллюминаторы: внизу, на земле, исчезли все признаки цивилизации, остался один лес. И вода. В ярких лучах солнца она не была голубой – играла полосами и пятнами золота и ослепительной белизны. Они следовали по одной из таких золотых полос все глубже в лес. Вглубь Квебека. К мертвому телу.

Потом темный лес стал меняться. Поначалу это были лишь вкрапления более светлых деревьев. Затем их число стало увеличиваться. И наконец весь лес окрасился в желтый, красный и оранжевый цвета с зелеными и темно-зелеными пятнами хвойных деревьев.

Сюда осень приходила раньше. Чем дальше на север, тем раньше осень. Тем она длиннее, тем суровее.

Наконец самолет начал спускаться. Все ниже, и ниже, и ниже. Возникло ощущение, что они вот-вот нырнут в воду. Но самолет выровнялся, коснулся поверхности и покатился по грунтовой полосе.

И вот теперь старший инспектор Гамаш, инспектор Бовуар, капитан Шарбонно и лодочник неслись по озеру. Лодка принялась забирать вправо, и Бовуар заметил, как изменилось лицо шефа. Задумчивость сменилась удивлением.

Гамаш подался вперед, глаза его засветились. Бовуар повернулся на своем сиденье и тоже посмотрел вперед.

Они свернули в большую бухту. На ее берегу и находился конечный пункт назначения.

Даже Бовуар почувствовал какой-то душевный подъем, предвкушение. Миллионы людей искали это место. Обшарили весь мир в поисках затворников, которые поселились здесь. А когда их наконец нашли в отдаленном уголке Квебека, сюда хлынули тысячи жаждущих увидеть тех, кто жил там, внутри. Видимо, они нанимали этого же лодочника.

Если Бовуар был охотником, а Гамаш – первопроходцем,

то мужчины и женщины, приезжавшие сюда, — паломниками. Они отчаянно хотели получить то, что, как они надеялись, имелось у здешних обитателей.

Но все их надежды оказывались напрасными.

Они получали от ворот поворот.

Бовуар вспомнил, что уже видел этот пейзаж прежде — на фотографиях. То, что открылось их взглядам, превратилось в популярный плакат и не без иронии использовалось в рекламных целях министерством туризма Квебека.

Туристов завлекали изображением места, где никаких туристов не принимали.

Бовуар тоже наклонился вперед. На берегу бухты стояла крепость, как будто вырезанная в скале. Над нею возвышалась колокольня, словно выброшенная из земли в результате какой-то сейсмической катастрофы. По обеим сторонам от нее располагались крылья. Или руки. Распахнутые для благословения или приглашения. Пристанище. Безопасное объятие в глуши.

Обман.

Они увидели перед собой почти легендарный монастырь Сен-Жильбер-антр-ле-Лу¹¹. Обиталище двух дюжин монахов-затворников, ведущих здесь созерцательную жизнь. Они построили монастырь в тех местах, куда не ступала нога человека.

Цивилизации потребовалось несколько сот лет, чтобы

---

¹¹ Saint-Gilbert-Entre-les-Loups — Святой Гильберт среди волков (*фр.*).

отыскать их, но последнее слово оставалось за безмолвными монахами.

Двадцать четыре человека удалились за дверь. И закрыли ее. И не впускали внутрь ни одну живую душу.

До этого дня.

Сегодня они должны были впустить внутрь старшего инспектора Гамаша, Жана Ги Бовуара и капитана Шарбонно. Их пропуском стал мертвец.

Глава третья

– Хотите, чтобы я вас дождался? – спросил лодочник.

Он потер свое щетинистое лицо и посмотрел недоуменным взглядом. Они не сообщили ему, что привело их сюда. Он принял их то ли за журналистов, то ли за туристов. За очередную группу обманутых паломников.

– Oui, merci¹², – сказал Гамаш, давая лодочнику плату со щедрыми чаевыми.

Лодочник сунул деньги в карман и стал наблюдать, как они выгружают вещи, как выбираются на пристань.

– Сколько вы можете подождать? – спросил Гамаш.

– Минуты три, – рассмеялся лодочник. – Это минуты на две больше, чем вам потребуется.

– А если, скажем... – Гамаш взглянул на часы. Они показывали час дня. – Скажем, до пяти?

– Вы хотите, чтобы я ждал вас до пяти часов? Слушайте, я знаю, вы прилетели издалека, но вы должны понимать: чтобы дойти до этой двери, постучать, а потом вернуться, не нужно четырех часов.

– Нас они впустят, – сказал Бовуар.

– Вы монахи?

– Нет.

---

¹² Да, спасибо (фр.).

– Вы, случайно, не римский папа?

– Нет, – улыбнулся Бовуар.

– Тогда я даю вам три минуты. Используйте их всюю.

Сойдя с пристани, они двинулись по тропинке. Бовуар бранился себе под нос. Когда они остановились у большой деревянной двери, шеф повернулся к нему:

– Выкинь это из головы, Жан Ги. Чтобы за этими дверями – никакой брани.

– Oui, patron.

Гамаш кивнул, Жан Ги поднял руку и постучал в дверь. Звук почти не было слышно, но руку пронзила боль.

– Maudit tabernac¹³, – прошипел Бовуар.

– Кажется, это звонок, – сказал капитан Шарбонно, показывая на длинную железную колотушку, стоящую в вырубленной в камне нише.

Бовуар взял колотушку и сильно ударил по двери. Звук получился громкий. Он ударил снова и увидел вмятины в тех местах, где ударяли другие посетители. Еще один удар. И еще.

Жан Ги обернулся. Лодочник поднял руку и постучал пальцем по своим часам. Бовуар снова повернулся к двери – и вздрогнул.

Дверь обрела глаза. И смотрела на них. Потом он понял, что в двери открылась смотровая щель, через которую видны два воспаленных глаза.

---

¹³ Канадско-французское ругательство.

Если Бовуар удивился, увидев глаза, то глаза, похоже, удивились, увидев его.

— Oui? — раздался из-за двери приглушенный деревом голос.

— Bonjour, mon frère¹⁴, — сказал Гамаш. — Меня зовут Арман Гамаш, я старший инспектор отдела по расследованию убийств Квебекской полиции. Здесь инспектор Бовуар и капитан Шарбонно. Насколько я понимаю, нас ждут.

Деревянное окно захлопнулось, они услышали недвусмысленный щелчок запора. Последовала пауза, и Бовуар начал сомневаться, что их впустят. А если не впустят, то что они будут делать? Вышибать дверь тараном? Лодочник помогать им явно не собирался. До Бовуара донесся с лодки тихий смешок, сопровождаемый шлепками волн о днище.

Он перевел взгляд на лес, густой и темный. Монахи старались сдерживать его наступление. Бовуар видел следы их деятельности. Вокруг стен повсюду торчали пеньки, словно тут произошло сражение, а сейчас наступило тревожное перемирие. Пеньки рядом со стенами монастыря напоминали надгробия.

Бовуар глубоко вздохнул и приказал себе успокоиться. Он всегда гнал от себя всякие фантазии. Он имел дело с фактами. Собирал их. А чувства собирал старший инспектор. В каждом деле об убийстве Гамаш следовал за этими чувствами, старыми, разлагающимися, гниющими. И в конце

---

¹⁴ Здравствуйте, брат мой (*фр.*).

грязного следа находил убийцу.

Если его шеф шел за чувствами, то Бовуар шел за фактами. Жесткими и нелицеприятными. Но вместе они добивались до сути.

Они были хорошей командой. Великолепной командой.

«А что, если он будет недоволен? – Этот вопрос выскочил на него прямо из леса. – Что, если он не захочет, чтобы Анни жила со мной?»

Но такой вопрос тоже относился к области фантазий. А не фактов. Не фактов. Не фактов.

Бовуар снова взглянул на отметины от ударов. Отметины, оставленные кем-то, кому было отчаянно нужно попасть внутрь.

Рядом с Бовуаром хладнокровно стоял Гамаш. Совершенно спокойный. И смотрел на эту дверь как на самую очаровательную вещь в мире.

А капитан Шарбонно? Краем глаза Бовуар видел начальника местного отдела полиции: он тоже стоял, глядя на дверь со смущенным видом. Он очень хотел войти – или покинуть это место. Проникнуть за дверь – или сесть в лодку. В общем, сделать что угодно, только не ждать здесь на пороге, подобно некоему очень вежливому завоевателю.

Затем послышался шум, и Шарбонно удивленно дернулся.

Раздался протяжный скрежет чугуновой щеколды по дереву. И снова тишина.

Гамаш не шелохнулся, не удивился, а если и удивился, то не подал виду. Он продолжал смотреть на дверь, сцепив руки за спиной. Словно мог ждать до конца света.

Дверь приоткрылась. Шире. Еще шире.

Бовуар предполагал услышать скрип старых, ржавых, редко используемых петель. Но никакого скрипа не раздалось. Это еще больше выбивало из колеи.

Дверь открылась полностью, и перед ними предстала фигура в длинной черной мантии. Но она не вся была черной. На плечах имелось что-то наподобие белых эполетов, а на груди – маленький белый нагрудник. Как будто монах подоткнул за воротник салфетку и забыл ее вытащить.

Подпоясана мантия была веревкой, на которой висело кольцо с одним-единственным гигантским ключом.

Монах кивнул и отошел в сторону.

– Merci, – сказал Гамаш.

Бовуар повернулся к лодочнику и с трудом подавил желание показать ему средний палец.

Даже если бы его пассажиры воспарили в воздух, лодочник удивился бы меньше.

Старший инспектор Гамаш крикнул с порога:

– Значит, в пять часов?

Лодочник кивнул и выдавил:

– Oui, patron.

Гамаш повернулся к открытой двери и помедлил. Всего секунду. Никто этого даже не заметил – кроме того, кто его

хорошо знал. Бовуар посмотрел на Гамаша и все понял.

Его шеф просто хотел насладиться этим мгновением. Еще шаг – и он станет первым атеистом, ступившим в пределы монастыря Сен-Жильбер-антр-ле-Лу.

Гамаш сделал этот шаг, и остальные последовали за ним.

Дверь закрылась с тихим, глухим стуком. Монах взял громадный ключ, всунул его в большой замок и повернул.

И они оказались заперты внутри.

Арман Гамаш предполагал, что ему понадобится несколько секунд, чтобы привыкнуть к темноте. Но он и подумать не мог, что ему придется привыкать к свету.

Никакого сумрака здесь не было, – напротив, все сияло.

Они увидели перед собой широкий длинный коридор серого камня, заканчивавшийся закрытой дверью. Но старшего инспектора поразили именно свет (как, вероятно, поражал каждого человека, каждого монаха, входившего в эту дверь на протяжении нескольких веков).

Коридор был наполнен радугами. Невероятными разноцветными пучками света. Они отражались от каменных стен. Проливались на плиточный пол. Перемещались, сливались, разделялись будто живые.

Старший инспектор почувствовал, как у него отвисла челюсть, но его это не смутило. За свою жизнь он повидал немало удивительных вещей, но ничего равного тому, что предстало его взору теперь. Он словно входил в радость.

Гамаш повернулся и перехватил взгляд монаха. На одно мгновение.

В этом взгляде он не увидел радости. Только боль. Темнота, которую Гамаш предполагал найти в монастыре, обнаружилась не в стенах, а в людях. По крайней мере, в одном из них.

Не сказав ни слова, монах повернулся и пошел по коридору. Он двигался быстро, но почти бесшумно. Слышалось лишь легкое шуршание – это полы его мантии волочились по плиткам. Волочились по радугам.

Полицейские вскинули сумки на плечо и шагнули в теплый свет.

Следуя за монахом, Гамаш озирался по сторонам. Свет проникал в коридор через окна наверху, а не на высоте человеческого роста. Первые окна находились футах в десяти от пола, а над первым рядом располагался еще один. За стеклами Гамаш видел голубые-голубые небеса, несколько облачков и вершины деревьев, наклонявшихся, чтобы заглянуть внутрь. Как он выглядывал через окна наружу.

Стекло было старое. Освинцованное. Небезупречное. И именно его несовершенство создавало игру света.

На стенах не висело никаких украшений. Да и зачем они здесь?

Монах открыл дверь, и они вошли в более просторное и прохладное помещение. Здесь радужные стрелы были направлены в одну точку. На алтарь.

Это была церковь.

Монах устремился к алтарю и умудрился преклонить колени, даже не остановившись. Он ускорил шаг, как будто монастырь слегка наклонился и все они покатались к месту назначения.

К мертвому телу.

Гамаш осмотрелся, быстро впитывая впечатления. Этого святилища и этих звуков никогда не видел и не слышал ни один человек, в чьи намерения не входило оставаться здесь навсегда.

В церкви стоял запах благовоний, но не тот терпкий, застоялый, что свойствен многим квебекским церквям и словно призван скрыть запах тлена, а более естественный. Похожий на аромат цветов или свежих трав.

Гамаш оценил все это за несколько мгновений.

Здесь не было мрачных, назидательных витражей. Окна наверху располагались чуть наклонно, отчего свет в первую очередь падал на простой, строгий алтарь, украшенный лишь веселым светом, пляшущим на его вершине. От алтаря отраженный свет попадал на стены и в самые дальние уголки церкви.

И в этом свете Гамаш увидел кое-что еще. Они были не одни.

По обеим сторонам от алтаря сидели монахи. Сидели в два ряда лицом друг к другу, склонив голову и сложив на коленях руки. Все в абсолютно одинаковой позе. Словно

чуть наклоненные вперед статуи.

Они хранили совершенное, полное молчание, молились в световой призме.

Гамаш со своими спутниками вышел из церкви и оказался в другом длинном коридоре. Еще с одной длинной радугой, тянущейся за монахом, как кильватерный след.

Старший инспектор спросил себя, замечает ли их проводник, этот торопливый монах, что он на ходу расплескивает радугу. Неужели для здешних обитателей это стало рутиной? Неужели замечательное в этом удивительном месте превратилось в обыденное? Человек, шедший перед ними, явно не думал сейчас о красоте. И старший инспектор знал, что это сделала с ним смерть.

Смерть стала затмением, заслонившим все прекрасное, радостное, доброе или притягательное. Столь велико было бедствие, постигшее монастырь.

Их проводник-монах был молод. Гораздо моложе, чем предполагал Гамаш. Он мысленно отчитал себя за то, что сделал такое предположение. Ведь именно такой урок он первым делом преподавал новичкам, приходившим в отдел.

Никаких предположений. С открытым разумом входи в любую комнату, знакомься с любым мужчиной, женщиной, ребенком, с открытым разумом смотри на любое мертвое тело. Не настолько открытым, чтобы мозги вываливались наружу, но достаточно открытым, чтобы видеть и слышать неожиданное.

Никаких предрассудков. Убийство происходит неожиданно. Нередко оно становится неожиданностью и для убийцы.

Гамаш нарушил собственное правило. Он предполагал, что монах будет стариком, как большинство монахов, священников и монахинь Квебека. Религиозная жизнь более не привлекала молодых.

Тем не менее многие продолжали искать Бога, но уже не в стенах церкви.

Этот молодой человек, молодой монах, был исключением. За то короткое мгновение, когда взгляды старшего инспектора Гамаша и монаха встретились, Гамаш понял две вещи. Монах едва вышел из юношеского возраста. И сейчас пребывал в душевном смятении, хотя и пытался это скрыть. Как ребенок, который ударился ногой о камень и не хочет показывать, что ему больно.

Сильные эмоции на месте убийства – это норма. Они естественны. Так почему же этот молодой монах пытается скрыть свои чувства? К тому же у него плохо получается.

– Зашибись! – выдохнул Бовуар, поравнявшись с Гамашем. – На что спорим, что за той дверью окажется Монреаль?

Он кивнул на следующую закрытую дверь в дальнем конце этого длинного коридора. Бовуар запыхался сильнее, чем Гамаш или капитан Шарбонно, но ведь и ноша его была гораздо тяжелее.

Монах взял стоящую у косяка чугунную колотушку, похожую на ту, что они видели у входа, и стукнул в дверь. Раздался громкий звук. Он подождал несколько секунд, стукнул еще раз. Снова ожидание. Наконец Бовуар сам взял колотушку и изо всех сил ударил ею в дверь.

Ожидание завершилось знакомым скрежетом – снова отодвинули щеколду. Дверь открылась.

Глава четвертая

– Меня зовут отец Филипп, – сказал пожилой монах. – Я настоятель монастыря Сен-Жильбер. Спасибо, что приехали.

Он стоял, спрятав руки в рукавах и сложив их на животе. Вид у него был измученный. Вежливый человек, старающийся не отступать от правил вежливости перед лицом жестокого преступления. В отличие от молодого монаха настоятель не пытался скрыть свои чувства.

– К сожалению, это было необходимо, – ответил Гамаш.

Он представился сам и представил своих спутников.

– Прошу вас следовать за мной, – сказал отец Филипп.

Гамаш повернулся, чтобы поблагодарить молодого монаха-проводника, но тот уже исчез.

– Как зовут брата, который нас встретил? – спросил Гамаш.

– Брат Люк, – ответил настоятель.

– Он молод, – заметил Гамаш, следуя за настоятелем по небольшой комнате.

– Да.

Отец Филипп вовсе не был неучтивым. Когда человек принимает обет молчания, даже одно слово из его уст – великое благодеяние. На самом деле отец Филипп проявлял к приехавшим огромную щедрость.

Радуги и веселый свет, изобилующие в коридоре, сюда не проникали. Но комната отнюдь не казалась мрачной, ей удавалось оставаться уютной, домашней даже при низких потолках и окнах, похожих на бойницы в стене. Через ромбовидные средники окон Гамаш увидел лес. Эта спокойная атмосфера являла собой приятный контраст буйному свету в коридоре.

Вдоль стен выстроились книжные шкафы, в одной из стен был устроен большой камин. По обе стороны от камина лицом к огню стояли два кресла со скамеечкой для ног между ними. Добавляла света и лампа.

Значит, тут есть электричество, отметил Гамаш. Прежде он в этом сомневался.

Из небольшой комнаты они перешли в еще меньшую.

– То был мой кабинет, – кивнул настоятель в сторону комнаты, которую они только что покинули. – А это моя келья.

– Келья? – переспросил Бовуар, поправляя почти невыносимо тяжелые сумки на своих натруженных плечах.

– Спальня, – пояснил отец настоятель.

Трое полицейских осмотрелись. Комната имела в ширину около шести футов и в длину около десяти. Здесь стояла узкая кровать и небольшой комод, также выполнявший, видимо, роль личного алтаря. На комод – резная статуя Девы Марии с Младенцем Христом. У одной из стен расположился высокий узкий книжный шкаф, а рядом с кроватью – крохотный деревянный столик с книгами. Окон в келье не было.

Пришедшие повернулись в одну сторону, в другую.

– Прошу прощения, mon père¹⁵, – сказал Гамаш. – Но где тело?

Не говоря ни слова, настоятель потянул на себя книжный шкаф. Все трое полицейских поспешно выставили вперед руки, чтобы поддержать шкаф, если он станет падать. Но тот не упал, а повернулся, открыв выход.

Через неожиданно образовавшееся в каменной стене отверстие хлынул яркий свет. Старший инспектор увидел зеленую траву, усеянную осенними листьями. И кусты различных оттенков осени. А еще – огромное дерево. Клен. В середине сада.

Но глаза Гамаша устремились в дальний конец сада, на лежащую там фигуру. Два монаха в мантиях неподвижно стояли в двух футах от тела.

Полицейские вышли через последнюю дверь на их пути к телу. В этот неожиданный сад.

– Святая Мария, Матерь Божия, – тихими, мелодичными голосами нараспев произносили монахи, – молись о нас, грешных...

– Когда вы его нашли? – спросил Гамаш, осторожно подходя к телу.

– Мой секретарь обнаружил его после службы первого часа. – Увидев недоумение на лице Гамаша, настоятель пояс-

---

¹⁵ Отец мой (*фр.*).

нил: – Служба первого часа заканчивается в восемь пятнадцать утра. Брата Матье нашли приблизительно без двадцати девять. Секретарь отправился искать доктора, но было уже слишком поздно.

Гамаш кивнул. У него за спиной Бовуар и Шарбонно начали распаковывать криминалистическое оборудование. Старший инспектор посмотрел на траву, потом мягко положил руку на плечо настоятелю и отвел его на несколько шагов от тела.

– Désolé¹⁶, отец Филипп, но давайте отойдем, чтобы не затоптать улики.

– Извините, – пробормотал настоятель, послушно шагая за ним.

Он казался потерянным, выбитым из колеи. Не только из-за мертвого тела, но и из-за присутствия здесь незнакомых людей.

Гамаш поймал взгляд Бовуара и незаметно показал на землю. Бовуар кивнул. Он уже обратил внимание на то, что трава здесь слегка примята. Травинки поникли, словно указывая туда, где лежал мертвец.

Гамаш повернулся к настоятелю. Тот был высок и худощав. Чисто выбрит, как и другие монахи, но на его голове, к которой бритва не прикасалась несколько дней, появилась седая щетина.

Темно-голубые глаза настоятеля встретились с задумчи-

---

¹⁶ Прошу прощения (фр.).

выми карими Гамаша. Старший инспектор не отвел взгляда, но у него возникло ощущение, что его незаметно обыскивают.

Настоятель снова спрятал руки в рукавах мантии, приняв ту же позу, что и два монаха, которые стояли рядом с телом и, закрыв глаза, молились:

– Радуйся, Мария, благодати полная!

Розарий¹⁷. Гамаш узнал молитву. Сам мог прочесть ее даже во сне.

– ...Господь с Тобою...

– Кто он, отец Филипп?

Гамаш встал так, чтобы сам он мог видеть тело, но чтобы его не видел настоятель. Иногда старший инспектор хотел, чтобы подозреваемые непременно видели мертвеца. Убитого. Он хотел, чтобы вид тела обжигал, терзал, мучил.

Но не сегодня. Он подозревал, что этот тихий человек никогда не забудет такого зрелища. И возможно, доброта станет более короткой дорогой к истине.

– Матье. Брат Матье.

– Регент хора? – уточнил Гамаш. – О-о...

Старший инспектор чуть опустил голову. Смерть всегда означала утрату. Насильственная смерть оставляла громадную брешь. Утрата казалась горше. Но потерять именно этого человека? Арман Гамаш посмотрел на лежащее на земле

---

¹⁷ *Розарий* (от *лат.* *rosarium* – венок из роз) – традиционные католические четки и молитва, читаемая по этим четкам.

тело, свернувшееся калачиком. Колени подтянуты к подбородку до упора. Он сделал это перед самой смертью.

Брат Матье. Регент хора в монастыре Сен-Жильбер-антрле-Лу. Человек, чью музыку Гамаш слушал по пути сюда в самолете.

Гамашу казалось, что он знает этого человека. Знаком он с ним, конечно, не был. Никто не видел брата Матье. Не существовало ни его фотографий, ни портретов. Но миллионы людей, включая и Гамаша, считали, что знают его гораздо ближе, чем некоторых своих знакомых.

Это и вправду была большая потеря. И не только для этого отдаленного и замкнутого монастырского сообщества.

– Да, регент хора, – подтвердил настоятель. Он повернулся и посмотрел на лежащего на земле человека. Тихо, почти шепотом произнес: – И наш приор¹⁸. – Отец Филипп снова повернулся к Гамашу. – И мой друг.

Он закрыл глаза и замер. Снова открыл глаза. Они у него были голубые-преголубые. Настоятель сделал глубокий вдох. Пытается взять себя в руки, подумал Гамаш.

Он знал это чувство. Когда нужно сделать что-то очень неприятное, мучительное. И сейчас настал такой миг – перед решительным шагом.

Отец Филипп выдохнул и сделал нечто необычное. Он улыбнулся. Легко, почти незаметно. Он посмотрел на Армана Гамаша теплым и открытым взглядом, и старший ин-

---

¹⁸ *Приор* – здесь: титул старшего после настоятеля члена монашеской общины.

спектор вдруг поймал себя на том, что не может сдвинуться с места.

– Все будет в порядке, – сказал отец Филипп Гамашу. – Все будет хорошо, и все, что ни будет, будет хорошо ¹⁹.

Совсем не таких слов ждал старший инспектор от настоятеля, и несколько мгновений он просто молча смотрел в эти поразительные глаза.

– Merci. Я верю в это, mon père, – произнес наконец Гамаш. – Но верите ли вы?

– Юлиана Норвичская не стала бы лгать, – ответил отец Филипп, и снова на его лице промелькнула та же улыбка.

– Вероятно, не стала бы, – сказал Гамаш. – Но Юлиана Норвичская писала о любви к Богу, и в ее монастыре не случилось убийств. А у вас, к несчастью, случилось.

Настоятель продолжал смотреть на Гамаша, и в его взгляде не было гнева. Напротив, в нем сохранялась та же теплота. Вот только вернулась усталость.

– Справедливо.

– Прошу меня извинить, отец настоятель.

Старший инспектор обошел настоятеля и, осматривая землю, осторожно зашагал по траве и по цветочной клумбе. К брату Матье.

Там он опустился на колени.

---

¹⁹ Эти слова принадлежат Юлиане Норвичской (1342–1416), английской духовной писательнице, автору первой книги, написанной женщиной на английском языке.

Не протянул руку, не прикоснулся к телу. Только смотрел. Запоминал и впитывал впечатления.

А главное его впечатление состояло в том, что брат Матье умер в мучениях. Многие из тех, рядом с кем Арман Гамаш опускался на колени, умирали настолько быстро, что даже не успевали понять, что с ними случилось.

С приором все обстояло иначе. Он знал, что с ним произошло и что произойдет.

Гамаш снова перевел глаза на траву. Потом на убитого. Голову монаха раздробили сбоку. Старший инспектор пригляделся. Похоже, убитый получил два-три удара. Достаточно для смертельного ранения. Но не для мгновенной смерти.

Гамаш подумал, что у приора, вероятно, была крепкая голова.

Он скорее почувствовал, чем увидел, как Бовуар опустился на колени рядом с ним. Полицейская лента лежала на траве, огораживая место убийства и след, ведущий к цветочной клумбе.

Настоятель присоединился к двум монахам, и они вместе принялись читать «Радуйся, Мария».

Бовуар достал свой блокнот. Новый блокнот для нового тела.

Сам Гамаш не делал заметок, он предпочитал слушать.

– Что вы думаете? – спросил старший инспектор у Шарбонно.

Глаза капитана расширились.

– Moi?²⁰

Гамаш кивнул.

Несколько жутких мгновений капитан Шарбонно не думал ни о чем. Отсутствие мыслей в его голове могло сравниться разве что с таковым у лежащего рядом покойника. Он уставился на Гамаша. Но старший инспектор смотрел на него без малейшего высокомерия и снисходительности, только внимательно. Никакой ловушки или подставы.

Шарбонно почувствовал, как сердце его забилося спокойнее, а мозг стал работать быстрее.

Гамаш ободряюще улыбнулся:

– Не торопитесь. Я бы предпочел услышать взвешенный ответ, а не поспешный.

– ...Молись о нас, грешных...

Три монаха распевали молитву, а трое полицейских стояли на коленях перед трупом.

Шарбонно огляделся. Сад был обнесен стеной. Единственный вход или выход – через книжный шкаф. Ни приставной лестницы, ни каких-то других признаков того, что кто-то забирался сюда или выбирался отсюда. Шарбонно взглянул вверх. Сверху сад ниоткуда не просматривался. Никто не мог видеть того, что здесь произошло.

Так что же здесь произошло? Старший инспектор Гамаш интересовался его мнением. Его серьезным, вдумчивым анализом.

---

²⁰ Я? (фр.)

«Господи, – безмолвно взмолился Шарбонно, – даруй мне мнение».

Когда утром позвонил инспектор Гамаш и попросил кого-нибудь из местной полиции встретить самолет и проводить их в монастырь, капитан Шарбонно решил сам встретить гостей. Будучи главой отделения, он мог послать туда любого из своих подчиненных. Но он даже думать об этом не желал.

Он хотел сам заняться этим.

И не только для того, чтобы увидеть знаменитый монастырь изнутри.

Не меньше этого капитан Шарбонно хотел познакомиться со старшим инспектором Гамашем.

– Здесь на траве кровь. – Шарбонно показал на огороженный лентой участок. – И, судя по следам на траве, он прополз несколько футов до этого места.

– Или его протащил убийца, – предположил Гамаш.

– Вряд ли, *patron*. Тут нет глубоких следов ног на траве или на клумбе.

– Хорошо, – сказал Гамаш, оглядевшись. – Но зачем умирающему человеку ползти сюда?

Все трое снова посмотрели на тело. Брат Матье лежал в позе эмбриона, поджав к груди колени, а руками плотно обхватив обширный живот. Подбородок прижат к груди. Спина – к каменной стене сада.

– Может, он пытался стать меньше? – высказал догадку

Бовуар. – Он свернулся, как мяч.

Такое впечатление и в самом деле возникало. Довольно большой черный мяч, остановленный стеной.

– Но почему? – снова спросил Гамаш. – Почему он пополз не к монастырю? Почему в противоположную сторону?

– Может быть, он потерял ориентацию, – сказал Шарбонно. – Двигался скорее инстинктивно, чем осмысленно. Возможно, никакой особой причины и не было.

– Возможно, – кивнул Гамаш.

Все трое продолжали разглядывать тело брата Матье. Капитан Шарбонно скосил глаза на погруженного в размышления Гамаша.

От старшего инспектора его отделяли какие-то дюймы. Шарбонно видел морщины и следы ранения на лице Гамаша. Он даже чувствовал его запах – слабый аромат сандалового дерева и чего-то еще. Розовой воды.

Он, конечно, видел старшего инспектора по телевизору. Несколько месяцев назад Шарбонно даже летал в Монреаль на конференцию, на которой Гамаш был главным докладчиком. Темой конференции стал девиз Квебекской полиции: «Service, Intégrité, Justice»²¹.

Эта тема была лейтмотивом всех конференций, которые с годами стали походить на собрания болельщиков и завершались оргией самовосхваления.

За исключением той, на которой выступал старший ин-

---

²¹ Служба, неподкупность, справедливость (*фр.*).

спектор Гамаш. Поначалу Гамаш потряс тысячу полицейских в зале, рассказав о собственных неудачах, о тех делах, которые он мог бы провести лучше. О тех, что вообще провалил.

Кроме того, он четко обозначил неудачи Квебекской полиции в целом. Точно и ясно сказал, в чем полиция не оправдывала, даже предавала доверие квебекцев. Раз за разом. Это было безжалостное обвинение полицейской службы, хотя сам Гамаш и продолжал верить в нее.

И все собравшиеся это поняли.

Арман Гамаш верил в них. Он верил в Квебекскую полицию, в службу и неподкупность.

Он мог работать лучше.

Они все могли работать лучше.

Как отдельные личности и как силовое подразделение в целом.

Когда он закончил, тысячная аудитория поднялась в едином порыве и начала аплодировать. В них словно вдохнули энергию. Их вдохновили.

Но капитан Шарбонно заметил, что несколько офицеров в первом ряду были не в восторге от услышанного. Они встали вместе со всеми. Они тоже хлопали. Да и как они могли не хлопать? Но Шарбонно со своего места сбоку видел, что сердца их не с Гамашем. А где витали их мысли – об этом знал только Бог.

Это были суперинтенданты Квебекской полиции. Руко-

водство. И министр юстиции.

И вот теперь, над телом монаха, Шарбонно захотелось податься вперед и, понизив голос, сказать: «Я не знаю, почему этот человек полз сюда. Но я знаю кое-что, о чем следует знать и вам. У вас в полиции не так много друзей, как вы думаете. Как вы верите».

Он открыл рот, собираясь заговорить, но тут же закрыл его, увидев лицо Гамаша. Его шрамы, его умные голубые глаза.

Шарбонно понял, что этот человек все знает. Старший инспектор Гамаш знает, что его дни в полиции, вероятно, сочтены.

– Так что вы думаете? – снова спросил Гамаш.

– Мне кажется, он знал, что с ним случится.

– Продолжайте, – сказал Гамаш.

– Он сделал все, что в его силах, но было слишком поздно.

Бежать он не мог.

– Да, – согласился Гамаш. – Бежать тут некуда.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Понимая друг друга.

– Но почему он не оставил послания? – спросил Бовуар.

– Что вы имеете в виду? – Шарбонно повернулся к младшему из приезжих.

– Он ведь видел убийцу, понимал, что умирает. Ему хватило сил проползти такое расстояние. Почему он не использовал остаток сил, чтобы написать послание? – спросил Бо-

вуар.

Они огляделись, но земля вокруг была истоптана. Не ими, а монахами. Из лучших побуждений или нет.

– Может быть, все проще, – сказал Шарбонно. – Он, вероятно, чувствовал себя как животное. Хотел свернуться в клубок и умереть в одиночестве.

Гамаша переполняло сочувствие к убитому. Умереть в одиночестве, почти наверняка сраженным кем-то, кого он знал, кому доверял. Какое выражение застыло на его лице? Смятение? Не предчувствие близкой смерти, а понимание того, что он погибает от руки брата. Наверное, такое же выражение было на лице Авеля, когда он упал на землю?

Они снова склонились над убитым монахом.

Брат Матье был уже не молод, а сложением напоминал бочку. В еде он себя явно не ограничивал. Если он чем и умерщвлял свою плоть, так это едой. И возможно, вином. Хотя в отличие от пьяниц лицо у него не было ни багровым, ни опухшим.

Приор просто выглядел как человек, который доволен жизнью, но весьма огорчен своей смертью.

– А не получил ли он еще один удар? – спросил старший инспектор. – В живот?

– ...И благословен плод чрева Твоего...

Бовуар тоже наклонился над трупом и кивнул:

– Он ухватился руками за живот. Вы думаете, от боли?

Гамаш поднялся и машинально отряхнул землю с колен:

– Оставляю его вам, инспектор.

Он зашагал назад, стараясь ступать по собственным следам.

– Святая Мария, Матерь Божия...

Монахи продолжали читать молитву.

«Когда уже они решат, что хватит? – спросил себя Гамаш. – Сколько раз будет достаточно?»

Он знал, какова его цель: найти того, кто убил брата Матфея.

– ...молись о нас, грешных...

Но в чем состояла цель трех монахов в черных мантиях?

– ...ныне и в час смерти нашей. Аминь.

Глава пятая

Старший инспектор несколько секунд смотрел на монахов, потом перевел взгляд на Бовуара.

Тот прибавил в весе, но, перестав быть тощим, оставался стройным. Лицо Жана Ги округлилось, тени под глазами исчезли.

Но с ним произошли не только физические перемены: Бовуар выглядел счастливым. Гораздо счастливее, чем когда-либо. И это было не лихорадочное возбуждение наркомана, а уверенное спокойствие. Гамаш знал, что дорога назад долгая и трудная, но Бовуар уже начал двигаться по ней.

Прекратились резкие перемены настроения, вспышки раздражения. Он больше не впадал в ярость и не распускал нюни.

И таблетки перестал принимать. Оксикодон и парацетамол. Каким бы парадоксальным это ни казалось, но лекарства, предназначенные для облегчения боли, в конечном счете приводили к ее многократному усилению.

Глядя на своего инспектора, Гамаш думал: Господь свидетель, Бовуар страдал от боли и не мог обойтись без таблеток. Но потом он должен был прекратить их принимать.

И он прекратил. Не без посторонней помощи. Гамаш надеялся, что его инспектор не слишком поспешил с возвращением к работе, но он подозревал, что Бовуару сейчас очень

нужна его обычная жизнь. Чтобы к нему не относились как к инвалиду.

И все же Гамаш знал, что за Бовуаром нужно приглядывать. Проверять, нет ли в его спокойствии какой-то трещинки.

Ну а пока Гамаш предоставил полицейских самим себе – пусть делают свое дело. Монахам тоже найдется чем заняться – он и их предоставил самим себе.

Нашел он занятие и для себя.

Гамаш оглядел сад.

У него только теперь появилась такая возможность.

Сад был квадратный. Приблизительно сорок на сорок футов. Он не предназначался для занятия спортом или для больших собраний людей. Играть здесь в футбол монахи не могли бы.

Гамаш увидел на земле плетеную корзинку и садовые инструменты. Здесь же, рядом с молящимися монахами, лежал черный медицинский саквояж.

Старший инспектор двинулся по саду, разглядывая многолетники и травы, все помеченные и поименованные.

Эхинацея, таволга, зверобой обыкновенный, пупавка.

Гамаш плохо разбирался в ботанике, но подозревал, что тут растут не простые травы и цветы, а лекарственные. Он огляделся еще раз.

Все здесь имело свою цель. Все было продумано.

Включая, как он подозревал, и мертвое тело.

Убийство тоже преследовало некую цель. И задача Гамаша состояла в том, чтобы ее обнаружить.

Под кленом в середине сада стояла полукруглая каменная скамья. Почти вся листва с дерева опала. Бóльшую ее часть уже сгребли, но на траве еще лежали остатки осеннего листопада. А несколько листочков, словно оставленная надежда, цеплялись за ветки дерева-матери.

В разгар лета клен красовался роскошной кроной, погружавшей сад в пятнистую тень. Лишь на небольшую часть сада беспрепятственно попадали солнечные лучи. Лишь небольшая его часть оставалась в полной тени.

Свет и тень в саду настоятеля уравнивали друг друга. Но сейчас, осенью, сад умирал.

Естественный цикл природы. Если бы растения в саду цвели круглый год, это было бы отклонением от нормы, аномалией.

По прикидке Гамаша стены были не менее десяти футов в высоту. Выбраться из сада никто не мог. А единственный путь в сад лежал через спальню настоятеля. Через потайную дверь.

Гамаш оглянулся на здание монастыря. Никто из его обитателей не мог ни войти, ни даже заглянуть в сад настоятеля.

«А они вообще знают, что здесь есть сад? – спросил себя Гамаш. – Возможно ли такое?»

Что, если сад настоятеля не только личный, но еще и тайный?

Отец Филипп раз за разом повторял молитву:

– Радуйся, Мария, благодати полная! Господь с Тобою...

Он стоял, склонив голову, но глаза его оставались открыты. Он наблюдал за полицейскими в саду. А те склонились над Матье. Делали фотографии. Перемещали тело. Ах, как не понравилось бы это Матье, со всей его щепетильностью, аккуратностью.

Умереть под забором.

– Святая Мария, Матерь Божия...

Неужели Матье убит? Отец Филипп машинально читал молитву, пытаясь сосредоточиться на ее простых словах. Он произносил их и слышал братьев-монахов возле себя. Слышал знакомые голоса. Чувствовал их плечи рядом со своими.

Он ощущал солнечные лучи на своей голове, вдыхал терпкий запах осеннего сада.

Но теперь больше ничто не казалось здесь знакомым. Слова, молитва, даже солнце стали чужими.

Матье умер.

«Как я мог не знать об этом?»

– ...Молись о нас, грешных...

«Как я мог не знать об этом?»

Эти слова стали его новой молитвой.

«Как я мог не знать, что все это кончится убийством?»

Гамаш описал полный круг по саду и остановился перед молящимися монахами.

Пока он приближался к ним, у него возникло впечатление, что настоятель наблюдает за ним.

Одно не вызывало сомнений: за те несколько минут, что Гамаш провел в саду, настоятель истратил еще больше энергии.

Если назначение молитвы состояло в том, чтобы утешать, то в данном случае это не срабатывало. Но кто знает, в каком состоянии пребывал бы отец Филипп без молитвы? Гамаш подумал, что настоятель может в любую секунду упасть и потерять сознание.

– Прошу прощения, – сказал Гамаш.

Двое монахов перестали читать молитву, но отец Филипп дочитал до конца:

– ...Ныне и в час смерти нашей.

Все вместе они нараспев произнесли:

– Аминь.

Отец Филипп открыл глаза:

– Да, сын мой?

«Сын мой» – традиционное обращение священника к прихожанину. Или настоятеля к монаху. Но Гамаш не был ни прихожанином, ни монахом. Почему же отец Филипп обратился к нему так?

Просто по привычке? Или в знак симпатии? Или это что-то другое? Претензия на первенство. Превосходство отца

над сыном.

– У меня есть несколько вопросов.

– Да, конечно, – сказал настоятель.

Два других монаха хранили молчание.

– Насколько я понимаю, брата Матье обнаружил один из вас.

Монах справа от настоятеля стрельнул в него глазами, и тот едва заметно кивнул.

– Его нашел я.

Этот монах был меньше ростом, чем отец Филипп, и немного моложе. У него был настороженный взгляд.

– Как вас зовут?

– Симон.

– Расскажите, пожалуйста, mon frère, о том, что случилось сегодня утром.

Брат Симон опять покосился на настоятеля, и тот еще раз кивнул.

– Я вышел в сад после службы первого часа, чтобы навести здесь порядок. И тут увидел его.

– Кого вы увидели?

– Брата Матье.

– Oui, но вы сразу поняли, что это он?

– Нет.

– А что вы подумали?

Брат Симон погрузился в молчание.

– Все в порядке, Симон. Мы должны говорить правду, –

сказал отец Филипп.

– Oui, Père Abbé²². – Слова настоятеля явно не убедили и не обрадовали монаха. Но он подчинился. – Я подумал, что это отец настоятель.

– Почему?

– Потому что больше здесь никого не бывает. Только он. Да теперь я.

Гамаш несколько секунд обдумывал его слова.

– И что вы сделали?

– Подошел проверить.

Гамаш посмотрел на плетеную корзинку, лежащую на боку, – ее содержимое высыпалось на осенние листья. Посмотрел на брошенные грабли.

– Пошли или побежали?

Монах снова помедлил:

– Побежал.

Гамаш представил себе эту сцену. Монах средних лет, с корзиной. Он готовился поработать здесь, сгрести опавшие листья. Он вошел в тихий сад, чтобы сделать то, что делал много раз прежде. И тут увидел немыслимое. Человека, лежащего у стены.

Без всяких сомнений – настоятеля.

Что же сделал брат Симон? Бросил свои инструменты и побежал. Со всей быстротой, какую позволяла ему длиннополая мантия.

---

²² Да, отец настоятель (фр.).

– Что вы сделали, когда добежали до него?

– Я увидел, что это не отец настоятель.

– Расскажите мне все, что вы сделали после.

– Я опустился перед ним на колени. – Каждое слово причиняло брату Симону боль. То ли из-за воспоминаний, то ли из-за самой необходимости говорить. – Я откинул капюшон, который закрывал его лицо. Вот тогда-то я и убедился, что это не отец настоятель.

Это оказался не настоятель. Вот главное, что имело значение для брата Симона. Не то, кем был убитый, а то, кем он не был. Гамаш внимательно слушал. Слова. Интонацию. Паузы между словами.

И то, что он услышал сейчас в голосе монаха, называлось облегчением.

– Вы прикасались к телу? Перемещали его?

– Я прикоснулся к капюшону и плечам. Тряхнул его. Потом отправился за доктором.

Брат Симон взглянул на третьего монаха.

Тот был немного моложе двух других, ниже и чуть толще. В щетине волос на голове тоже пробивалась седина. А глаза, хотя и грустные, смотрели без тревоги, заметной в глазах двух его собратьев.

– Вы врач? – спросил Гамаш, и монах кивнул.

Он выглядел чуть ли не веселым.

Но Гамаш не принадлежал к числу легковверных людей. Один из братьев Рейн-Мари смеялся на похоронах и плакал

на свадьбах. Один их друг всегда смеялся, когда кто-нибудь кричал на него. Смеялся не от смеха, а от избытка эмоций.

Иногда смех и слезы подменяют друг друга. В особенности когда речь идет о людях, не привычных к проявлению эмоций.

Хотя монах-доктор и выглядел почти веселым, он, возможно, скорбел сильнее других.

– Шарль, – представился монах. – Я доктор.

– Расскажите, как вы узнали о смерти приора.

– Когда брат Симон пришел за мной, я работал на скотном дворе. Он отвел меня в сторону и сказал, что произошел несчастный случай...

– Кто-нибудь еще присутствовал при этом?

– Там работали и другие братья, но брат Симон старался говорить тихо. Я думаю, никто, кроме меня, его не слышал.

– Вы и в самом деле решили, что это несчастный случай? – спросил Гамаш у брата Симона.

– Я сомневался и не знал, что еще сказать.

– Прошу прощения, – снова обратился Гамаш к доктору. – Я вас прервал.

– Я побежал в лазарет, схватил свой медицинский саквояж, и мы поспешили сюда.

Гамаш представил себе, как два монаха в черных мантиях бегут по сверкающим коридорам.

– Никого по пути не встретили?

– Ни души, – ответил брат Шарль. – Время рабочее.

Все заняты на своих местах.

– Что вы сделали, когда пришли в сад?

– Разумеется, первым делом проверил пульс, но даже если бы я не сразу заметил рану на голове, по глазам было ясно, что он мертв.

– А что вы подумали, когда увидели рану?

– Поначалу я решил, что он свалился со стены, но потом понял, что это невозможно.

– Какие мысли возникли у вас тогда?

Брат Шарль посмотрел на настоятеля.

– Продолжай, – подбодрил его отец Филипп.

– Я подумал, что кто-то ударил его.

– Кто?

– Скажу вас честно, у меня нет никаких догадок.

Несколько секунд Гамаш разглядывал доктора. Он из собственного опыта знал: слово «честно» нередко служит в качестве прелюдии ко лжи. Но Гамаш отбросил эту мысль и обратился к настоятелю:

– Не могли бы мы поговорить с вами наедине?

Настоятель ничуть не удивился. Судя по его виду, больше ничто в мире не могло его потрясти.

– Конечно.

Отец Филипп кивнул двум монахам, перехватив их взгляд. Старшему инспектору стало любопытно, какое послание передал им настоятель. Неужели между монахами, живущими в затворничестве и безмолвии, образуется некая

телепатическая связь? Способность читать мысли друг друга?

Если так, то приора Господь обделил этим даром.

Настоятель повел Гамаша к скамье под деревом. Подальше от суеты.

Оттуда они не могли видеть ни мертвого тела, ни здание монастыря. Вместо этого их взору предстала стена, целебные травы и вершины деревьев за стеной.

– Мне трудно поверить, что это случилось, – сказал настоятель. – Наверное, вы постоянно слышите такие слова. Их все говорят, да?

– Большинство. Было бы ужасно, если бы убийство не вызывало потрясения.

Настоятель вздохнул и уставился перед собой. Потом закрыл глаза и поднес тонкие руки к лицу.

Ни рыданий, ни слез, ни даже молитвы.

Только молчание. Длинные изящные пальцы словно маской закрыли лицо. Еще одна стена между ним и окружающим миром.

Наконец он уронил руки на колени. И они безвольно улеглись там.

– Понимаете, он был моим лучшим другом. В монастырях не полагается иметь лучших друзей. Считается, что все мы здесь должны быть равны. Все друзья, но не слишком близкие. Но это, конечно, идеал. Как Юлиана Норвичская, мы стремимся достичь всепоглощающей любви к Господу.

Но мы грешны, нам не чуждо ничто человеческое, и иногда мы любим своих собратьев. Сердце не подчиняется правилам.

Гамаш слушал и ждал, стараясь не вкладывать лишнего смысла в то, что слышит.

– Даже не могу вам сказать, сколько раз мы с Матье сидели здесь на скамье. Он – на вашем теперешнем месте. Иногда мы говорили о делах монастыря, иногда просто читали. Он приносил ноты своих песнопений. Я работал или сидел молча, слушая, как он напевает себе под нос. Я думаю, он даже не отдавал себе отчета в том, что напевает или что я его слышу. Но я слышал.

Настоятель перевел взгляд на стену и на верхушки деревьев в лесу, похожие на темные шпильки. Какое-то время он молчал, погружившись в мысли о том, что теперь навсегда ушло в прошлое. Сцена, которую он описал, больше никогда не повторится. То пение, что он слышал, никогда больше не прозвучит.

– Убийство? – прошептал он. – Здесь?

Наконец он вспомнил о Гамаше:

– И вы прибыли сюда, чтобы выяснить, кто из нас его совершил. Старший инспектор – вы так представились? Значит, к нам прибыл начальник?

Гамаш улыбнулся:

– Боюсь, что не самый главный начальник. Надо мной есть другие начальники.

– Как и у всех нас, – сказал настоятель. – Но ваши, по крайней мере, не могут видеть всего, что вы делаете.

– И знать все, что я думаю и чувствую, – подхватил Гамаш. – И я каждый день благодарю Провидение за это.

– Но ни один из ваших начальников не может принести вам душевный мир и спасение.

Гамаш кивнул:

– Вот уж точно.

– Шеф?

В нескольких шагах от них стоял Бовуар.

Извинившись, Гамаш подошел к своему инспектору.

– Мы готовы переместить тело. Но куда его положить?

Гамаш немного поразмыслил, потом посмотрел на двух молящихся монахов и показал на брата Шарля:

– Вот он – доктор. Он скажет, где найти носилки, чтобы перенести тело в лазарет.

Гамаш сделал паузу. Бовуар слишком хорошо знал шефа, а потому ждал дальнейших указаний.

– Убитый руководил здесь хором. – Гамаш снова посмотрел на скрюченное тело брата Матье.

Для Бовуара услышанное стало всего лишь еще одним фактом. Информацией. Но он видел, что для шефа этот факт имеет какой-то смысл.

– Это важно? – спросил он.

– Вполне возможно.

– Это важно для вас, да? – уточнил Бовуар.

– Понимаешь, случилась трагедия, – ответил шеф. – Огромная потеря. Он был гением. По пути сюда я слушал его музыку.

– Я так и думал.

– Ты когда-нибудь слышал его музыку?

– Да как ее не услышать? Года два назад она звучала повсюду. Какую станцию ни включишь, она тут как тут.

Гамаш улыбнулся:

– Ты не большой любитель его музыки?

– Вы шутите? Григорианские хоралы! Группка людей, что поют в один голос без инструментального сопровождения, практически на одной ноте, да еще на латыни! Я просто заходилась от восторга.

Старший инспектор улыбнулся словам Бовуара и вернулся к настоятелю.

– Кто мог это сделать? – спросил вполголоса отец Филипп, когда Гамаш сел на прежнее место. – Я сам все утро думал. – Он повернулся к своему собеседнику. – И как я мог не заметить, что это надвигается?

Гамаш хранил молчание, понимая, что вопрос адресован не ему. Но ответить в конечном счете придется ему. Он понял и еще кое-что.

Настоятель не старался делать вид, что убийство совершил кто-то посторонний. Он не собирался убеждать Гамаша или себя в том, что произошел несчастный случай. Неудачное падение.

Никакой попытки закрыть глаза на страшную истину.

Брата Матье убили. И убил его кто-то из монахов.

Гамаш восхищался способностью отца Филиппа смотреть в лицо самой ужасной правде. И в то же время он недоумевал, почему настоятель так легко согласился с реальностью.

Настоятель заявил, что удивлен случившимся в монастыре. Однако он не делал того, что сделало бы большинство людей. Он не искал другого объяснения, пусть и самого нелепого.

И старший инспектор Гамаш начал спрашивать себя, насколько в самом деле потрясен отец Филипп.

– Брата Матье убили между восемью пятнадцатью, когда закончилась служба, и восемью сорока, когда ваш секретарь нашел тело, – сказал старший инспектор. – Где вы находились в это время?

– Сразу же после службы первого часа я спустился в подвал, чтобы поговорить о геотермальной системе с братом Раймоном. На его попечении хозяйство монастыря. Инженерная часть.

– У вас тут есть геотермальный источник?

– Да. Он обогревает монастырь, а солнечные батареи обеспечивают нас электричеством. Зима на носу, и я хотел убедиться, что с этим все в порядке. Я находился внизу, когда брат Симон нашел меня и сообщил эту прискорбную новость.

– Когда он вас нашел?

– Около девяти, наверное.

– И что вам сообщил брат Симон?

– Только то, что с братом Матье произошел несчастный случай в саду.

– Он сказал, что брат Матье мертв?

– Позже – да. Я бросился в сад, и он со мной. Он сначала нашел доктора, а потом меня. К тому времени они уже знали, что несчастье имело роковой исход.

– Но больше он вам ничего не сказал?

– Что Матье убит?

– Да, что он умер насильственной смертью.

– Мне об этом сообщил доктор. Когда я добрался сюда, доктор стоял у дверей, ждал. Он пытался меня остановить, чтобы я не подходил близко. От него я и узнал, что Матье не просто мертв, что его, судя по всему, убили.

– И что вы ему сказали?

– Не помню точно, но подозреваю, что это были такие слова, которым не учат в семинарии.

Отец Филипп вернулся мыслями назад. Вспомнил, как оттолкнул доктора и на подкашивающихся ногах бросился в дальний угол сада. К тому, что казалось холмиком темной земли. Но на поверку оказалось совсем иным. И он поведал все это крупному, спокойному офицеру Квебекской полиции так, как ему запомнилось.

– Я упал на колени рядом с ним, – продолжил настоятель.

– Вы прикасались к нему?

– Да. К его лицу, к его мантии. Кажется, я ее разгладил. Не знаю почему. Кто бы стал делать такое?

И опять Гамаш словно не услышал вопроса. Время для ответа еще наступит.

– Что делал в вашем саду брат Матье?

– Понятия не имею. Он не ко мне пришел. В этот час меня там никогда не бывает. Я отправляюсь в обход по монастырю.

– Он знал об этом?

– Он ведь мой приор. Как ему не знать?

– Что вы сделали, увидев тело? – спросил Гамаш.

Настоятель нахмурил брови, припоминая:

– Сначала мы помолились. Потом я вызвал полицию. У нас есть только один телефон. Спутниковый. Он не всегда работает, но сегодня утром связь была.

– А вы не думали о том, что, может быть, звонить вообще не стоит?

Вопрос Гамаша удивил настоятеля, и он новыми глазами посмотрел на этого спокойного чужака.

– Со стыдом признаю, что именно такая мысль и посетила меня поначалу. Оставить все между нами. Мы привыкли к автономному существованию.

– Тогда почему позвонили?

– Боюсь, что не ради Матье, а ради других.

– Что вы имеете в виду?

– Матье больше нет. Он уже с Господом.

Гамаш надеялся, что так оно и есть. Что для брата Матье больше не осталось тайн. Он знает, кто забрал его жизнь. И знает теперь, есть ли Бог. И небеса. И ангелы. И даже небесный хор.

Думать о том, что случается с небесным хором, когда появляется еще один регент, не имело смысла.

– Но остальные остаются здесь, – продолжал настоятель. – Я вызвал вас не ради мести или наказания тому, кто убил приора. Что сделано, то сделано. Матье в безопасности. А вот мы – нет.

Гамаш знал, что настоятель говорит истинную правду. Именно такова бывает реакция отца – защитить. Или пастыря, который спасает от хищника свое стадо.

Saint-Gilbert-Entre-les-Loups. Святой Гильберт среди волков. Странное название для монастыря.

Настоятель знал, что в его стаде волк. В черной мантии, с бритой головой, шепчущий тихие молитвы. И отец Филипп вызвал охотников, чтобы они нашли волка.

Бовуар и доктор вернулись с носилками и поставили их рядом с братом Матье. Гамаш встал и подал безмолвный знак. Тело подняли, положили на носилки, и брат Матье в последний раз покинул сад.

Маленькую процессию возглавлял настоятель, за ним шли братья Симон и Шарль. Потом, с носилками, капитан Шарбонно и Бовуар: Шарбонно на передних ручках, Бовуар

на задних.

Гамаш, шедший последним, закрыл за собой дверь в виде книжного шкафа.

Они вышли в радужный коридор. Веселые лучи освещали тело и тех, кто его сопровождал. Когда они проходили через церковь, остальные монахи встали со своих мест и цепочкой двинулись следом за Гамашем.

Отец Филипп начал читать молитву. Не розарий – что-то иное. И тут Гамаш понял, что настоятель не читает молитву, а поет. И не просто молитву – песнопение.

Григорианское песнопение.

Постепенно к нему присоединились другие монахи, и звуки их голосов наполнили коридор, слились со светом. Это было бы красиво, если бы среди тех, кто пел слова Господа голосом Господа, не шел убийца.

Глава шестая

Вокруг блестящего смотрового столика стояли четыре человека.

С одной стороны – Арман Гамаш и инспектор Бовуар, напротив них – доктор, а чуть поодаль – настоятель. Брат Матье лежал на столике из нержавеющей стали, его искаженное гримасой ужаса лицо смотрело в потолок.

Другие братья отправились заниматься тем, чем они обычно занимались в такое время. Гамашу было любопытно, чем именно.

По своему опыту он знал, что многие люди в подобных ситуациях совершенно выбиты из колеи. Они цепляются за знакомые запахи, виды и звуки. Словно у них вдруг закружилась голова и они боятся выпасть из знакомого им мира.

Капитан Шарбонно получил приказ искать оружие убийства. Гамаш полагал, что найти его будет нелегко, но предпринять попытку необходимо. Судя по всему, приора убили камнем. Если так, то камень почти наверняка зашвырнули за стену – поди найди его в девственном лесу.

Старший инспектор огляделся. Он предполагал, что лазарет будет плохо оборудованным, даже убогим. Он приготовился к тому, что увидит какую-нибудь средневековую сцену. Операционные столы из каменных глыб с открытыми сливными отверстиями для жидкостей. Деревянные полки

с сушеными и измельченными в порошок травами из сада. Хирургические пилы.

Но помещение оказалось оборудованным по последнему слову техники, со сверкающими инструментами, аккуратными шкафчиками, наполненными марлей и бинтами, таблетками и шпателями для языка.

– Вскрытие проведет коронер, – сказал Гамаш доктору. – Мы не хотим, чтобы вы проводили эту процедуру с телом приора. Я попрошу вас только снять с него одежду, чтобы мы могли ее должным образом обыскать. И, кроме того, мне нужно увидеть тело.

– Зачем?

– Чтобы убедиться, что на нем нет других ран или отметин. Чего-то такого, о чем мы должны знать. Чем скорее мы соберем факты, тем быстрее докопаемся до истины.

– Но между фактом и истиной большая разница, старший инспектор, – заметил настоятель.

– И когда-нибудь мы посидим в вашем замечательном садике и обсудим это, – сказал Гамаш. – Но не сегодня.

Он повернулся спиной к настоятелю, кивнул доктору, и тот приступил к работе.

Мертвец больше не лежал в позе эмбриона. Хотя трупное окоченение уже начинало схватывать мышцы, общими усилиями удалось положить его спиной на стол. Гамаш отметил, что руки приора все еще остаются внутри длинных рукавов его мантии и обхватывают живот, словно он скорчился

от острой боли.

Развязав веревку на поясе приора, доктор вытащил его руки из рукавов. Гамаш и Бовуар наклонились над телом, проверяя, не зажато ли что-нибудь в кулаках, нет ли чего под ногтями.

Но они увидели пустые руки, чистые и ухоженные ногти. Доктор аккуратно положил руки брата Матье по бокам. Но левая соскользнула с металлического стола и повисла. Из рукава что-то вылетело и упало на пол.

Доктор наклонился, чтобы поднять упавший предмет.

– Не прикасайтесь! – резко сказал Бовуар, и доктор замер.

Надев резиновые перчатки, Бовуар поднял с каменного пола лист бумаги.

– Что это? – Настоятель сделал шаг к Бовуару.

Забыв о мертвом теле, доктор перегнулся через стол, привлеченный предметом в руке инспектора.

– Не знаю, – ответил Бовуар.

Доктор обошел стол, и четверо мужчин, собравшись в кружок, уставились на лист бумаги.

Пожелтевший, неправильной формы. Не фабричного производства. Плотнее, чем обычная бумага.

На листке замысловатым почерком были начертаны какие-то слова. Черные каллиграфические буквы. Без особых изысков.

– Не понимаю, что тут написано. Это латынь? – спросил Бовуар.

– Вроде бы.

Настоятель наклонился, прищурился.

Гамаш надел полукруглые очки и тоже склонился над бумагой.

– Похоже на страницу из старинной рукописи, – сказал он наконец и отступил назад.

На лице настоятеля появилось взволнованное выражение.

– Это не бумага. Пергамент. Ягнячья кожа. Видно по текстуре.

– Ягнячья кожа? – спросил Бовуар. – Вы используете ее вместо бумаги?

– Последние несколько сот лет уже не используем. – Настоятель не сводил глаз с листка в руке инспектора. – В тексте, по-моему, мало смысла. Наверное, это латынь, но не псалом, и не часослов, и не какой-то другой из известных мне религиозных текстов. Я могу разобрать только два слова.

– Какие? – спросил старший инспектор.

– Вот, – показал пальцем настоятель. – Похоже на «*dies irae*».

Доктор издал тихий звук, вроде как хмыкнул. Они посмотрели на него, но он уже замолчал.

– И что это значит? – спросил Бовуар.

– Слова из заупокойной мессы, – ответил настоятель.

– В переводе означает «день гнева», – заметил Гамаш. – «*Dies irae, dies illa*», – процитировал он. – «День гнева, день

скорби»²³.

– Верно, – подтвердил настоятель. – В заупокойной мессе «dies irae» и «dies illa» стоят рядом. Но здесь «dies illa» нет.

– О чем это вам говорит, отец Филипп? – спросил Гамаш.

Поразмыслив, настоятель ответил:

– О том, что тут не заупокойная месса.

– А что думаете об этой записи вы, брат Шарль? – спросил Гамаш.

Доктор сосредоточенно наморщил лоб, глядя на пергамент в руке Бовуара. Потом покачал головой:

– К сожалению, ничего.

– Никто из вас раньше ее не видел? – гнул свое Гамаш.

Доктор посмотрел на настоятеля – тот еще некоторое время разглядывал слова на листке, а после отрицательно помотал головой.

Наступила пауза. Наконец Бовуар показал на лист:

– А это что такое?

И снова все склонились над пергаментом.

Над каждым словом виднелись крохотные чернильные закорючки. Похожие на маленькие волны. Или крылья.

– Я думаю, это невмы, – сказал отец Филипп.

– Невмы? – переспросил Гамаш. – Что такое невмы?

Настоятель посмотрел на него с явным недоумением:

– Знаки музыкальной нотации.

---

²³ Так в английском переводе этого латинского текста средневекового католического песнопения. По-латыни эти слова означают: «День гнева, этот день».

– Я такого никогда не видел, – вставил Бовуар.

– И не могли увидеть. Их не используют уже тысячу лет.

– Не понимаю, – пробормотал Гамаш. – Вы хотите сказать, что этому листку тысяча лет?

– Не исключено, – ответил отец настоятель. – Наверное, именно поэтому мы и не можем прочесть текст. Возможно, перед нами хорал, в котором используется старая форма латыни.

Но это прозвучало как-то неуверенно.

– Говоря «хорал», вы имеете в виду григорианские песнопения? – спросил старший инспектор.

Настоятель кивнул.

– А здесь не григорианский хорал? – Гамаш показал на лист.

Настоятель снова покачал головой:

– Не знаю. Тут дело в словах. Они на латыни, но они не имеют смысла. Григорианские песнопения следуют очень старым, устоявшимся правилам и почти всегда используют тексты псалмов. А здесь не псалом.

Отец Филипп погрузился в привычное молчание.

Гамаш решил, что в настоящий момент из пожелтевшего листа пергамента больше ничего не вытянешь, и обратился к доктору:

– Прошу вас, продолжайте.

В течение следующих двадцати минут брат Шарль раздевал брата Матье, снимая одежду слой за слоем вопреки труп-

ному окоченению.

Наконец доктор закончил, и на столе осталось лежать обнаженное тело.

– Сколько лет исполнилось брату Матье? – спросил Гамаш.

– Могу показать его историю болезни, – сказал доктор. – Но помнится, что ему было шестьдесят два.

– На здоровье он не жаловался?

– Почти нет. У него несколько увеличена простата, чуть больше нормы содержание простатического антигена, но мы следили за этим. Как видите, у него излишек веса – фунтов тридцать. В основном за счет живота. Но тучностью он не страдал, и я предлагал ему больше заниматься физическими упражнениями.

– Каким образом? – спросил Бовуар. – В фитнес-центр он вряд ли мог записаться. Он что, истовее молился?

– Если и молился, – ответил доктор, – то вряд ли он стал первым, кто решил, что можно похудеть с помощью молитвы. Но вообще-то, зимой мы организуем две хоккейные команды. В НХЛ нас, конечно, не возьмут, но играем мы очень неплохо. И довольно азартно.

Бовуар уставился на брата Шарля, словно тот говорил на латыни. Это было уму непостижимо. Монахи, азартно играющие в хоккей? Он представил их на льду замерзшего озера. Развевающиеся на бегу рясы. Столкновения.

Христианство с бицепсами.

Наверное, эти люди вовсе не такие странные, как ему казалось прежде.

Или же пристрастие к хоккею делает их еще более странными.

– А он? – спросил старший инспектор.

– Что – он? – ответил вопросом на вопрос доктор.

– Стал брат Матье уделять больше времени физическим упражнениям?

Брат Шарль посмотрел на мертвое тело, лежащее на столе, и отрицательно покачал головой, потом встретился взглядом с Гамашем. И снова в глазах монаха засверкали веселые искорки, хотя голос звучал скорбно:

– Приор не принадлежал к тем людям, которые прислушиваются к советам.

Гамаш продолжал смотреть в глаза монаха, и тот, смутившись, закончил:

– В остальном он на здоровье не жаловался.

Старший инспектор кивнул и перевел взгляд на обнаженное тело. Ему хотелось узнать, нет ли раны на животе брата Матье.

Но никакой раны он не увидел – только дряблую, посеревшую кожу. На теле покойника, если не считать раздробленного черепа, не обнаружилось ни одного повреждения.

Гамаш пока не обнаружил той последовательности ударов, что завершились последним и роковым, размозжившим череп приора. Но он их непременно найдет. Такие вещи

не происходят ни с того ни с сего. Обязательно отыщутся затянувшиеся ранки, синяки, уязвленные чувства. Оскорбления и унижения.

И тогда старший инспектор возьмет след. И непременно выйдет на того, кто нанес смертельный удар.

Старший инспектор Гамаш посмотрел на лежащий на столе желтый плотный лист пергамента. С завитками – как там они называются?

Невмы.

И с практически нечитаемым текстом.

Кроме двух слов.

«Dies irae».

День гнева. Из заупокойной мессы.

Что пытался сделать приор в час своей смерти? Как он действовал, когда жить ему оставались считанные мгновения? Почему не написал на мягкой земле имя убийцы?

Почему вместо этого брат Матье засунул поглубже в рукав исписанный лист пергамента и свернулся в клубок, защищая его всем телом?

Что говорят эти невмы и словесная бессмыслица? Не слишком много. Если не считать того, что брат Матье умер, пытаясь их защитить.

Глава седьмая

Стул рядом с отцом Филиппом остался незанятым.

Много лет, десятилетий, сидя в общем зале для братии, настоятель видел Матье по правую руку от себя.

Теперь он старался не поворачивать голову вправо. Смотрел прямо перед собой. В лица обитателей монастыря Сен-Жильбер-антр-ле-Лу.

А они смотрели на него.

Ждали ответов.

Информации.

Утешения.

Ждали, что он скажет им что-то. Хотя что-нибудь.

Встанет между ними и их ужасом.

А он продолжал смотреть перед собой. Не находил слов. Он накопил их немало за прошедшие годы. Целый склад мыслей, впечатлений и эмоций. Невысказанного.

Но вот когда ему потребовались слова, его склад оказался пуст. Темен и холоден.

На нем не осталось ничего.

Старший инспектор Гамаш подался вперед, уперев локти в потертую столешницу и машинально переплетя пальцы.

Напротив него сидели Бовуар и капитан Шарбонно. Оба с открытыми блокнотами, готовые доложить старшему

инспектору о своих находках и наблюдениях.

После осмотра тела Бовуар и Шарбонно опросили монахов, сняли у них отпечатки пальцев, выслушали их первоначальные показания. Наблюдали за реакцией. Собирали впечатления. Знакомились с их приблизительными перемещениями.

Пока они этим занимались, старший инспектор Гамаш обыскал келью убитого. Она была почти точной копией кельи настоятеля. Та же узкая кровать. Тот же комод. Но его алтарь был посвящен святой Цецилии Римской. Гамаш не слышал про эту святую, но сделал себе заметку узнать про нее.

В комодке лежала еще одна мантия, смена нижнего белья, ботинки. Ночная рубаха. Молитвенник и псалмы. И больше ничего. Ни одной личной вещи. Ни фотографии, ни писем. Ни родителей, ни сестер, ни братьев. Что ж, наверное, его отцом был Господь, а матерью – Богородица. А монахи – братьями. В конечном счете немалая семья.

Но вот кабинет приора оказался настоящей золотой жилой. Правда, там не обнаружилось ничего такого, что могло бы дать подсказку следствию. Ни окровавленного камня, ни записок с угрозами, ни писем. Ни убийцы, готового признаться в преступлении.

Зато Гамаш нашел здесь использованные гусиные перья и чернильницу. Он положил их в целлофановые пакетики и сунул в сумку к другим вещдокам.

Находка показалась ему важной. Ведь текст на том листе

старого пергамента, выпавшем из мантии приора, был написан гусиным пером и чернилами. Но чем больше размышлял старший инспектор, тем менее существенной представлялась ему эта связь.

Велика ли вероятность того, что приор, регент, всемирный авторитет в григорианских песнопениях, вдруг решил написать нечто неудобочитаемое? Настоятель и доктор с недоумением смотрели на эти латинские слова и закорючки, называемые невмами.

Это больше напоминало творение малообразованного, неумелого любителя.

К тому же написанное на древней бумаге. Пергаменте. Ягнячьей коже. Растянутой и высушенной, вероятно, много столетий назад. В столе приора обнаружилось много бумаги, но ни кусочка пергамента.

Тем не менее Гамаш уложил в сумку с вещдоками и перья, и чернильницу. На всякий случай.

Еще он нашел нотные записи. Много-много листов музыки.

Книги, наполненные музыкой и историей музыки. Научные труды о музыке. Но музыкальные пристрастия этого истинного католика нельзя было назвать всеохватными.

Потому что приора интересовало только одно: григорианские песнопения.

На стене висел простой крест с распятым Христом. А вокруг распятия и под ним – море музыки.

Вот к чему пылал страстью брат Матье. Не к Христу, а к песнопениям, над которыми тот парил. Возможно, Христос и взывал к брату Матье, но под мелодию григорианских песнопений.

Гамаш прежде и представить не мог, что о хорах столько написано или что о них можно столько написать. Пока не попал в эту комнату. Старший инспектор устроился за столом и в ожидании Бовуара и Шарбонно принялся читать.

В отличие от кельи, где пахло чистящей жидкостью, в кабинете пахло старыми носками, зловонной обувью и пыльными документами. Приор спал в своей келье, но жил он здесь. И Арман Гамаш начал смотреть на брата Матье просто как на Матье. Монаха. Дирижера. Даже гения. Но в первую очередь – человека.

Шарбонно и Бовуар наконец появились, и старший инспектор отложил книгу в сторону.

– Что вы нашли? – спросил он сначала у Шарбонно.

– Ничего, patron. Точнее, не нашел орудия убийства.

– Неудивительно, – сказал старший инспектор. – Но мы не могли не попытаться. Когда получим доклад коронера, будет ясно, чем его убили – камнем или чем-то другим. А что монахи?

– У всех взяты отпечатки пальцев, – сказал Бовуар. – И мы провели первичный опрос. После службы в семь тридцать они приступают к исполнению своих обязанностей. В монастыре... – Бовуар заглянул в свои записи, – четыре основ-

ные сферы деятельности: огород, скотный двор, ремонтные работы, которым конца нет, и готовка. Монахи специализируются в той или иной области, но у них происходит и ротация. Мы выяснили, кто чем занимался в интересующее нас время.

«Хорошо хоть, что время преступления мы знаем совершенно точно, – подумал Гамаш. – Не раньше окончания службы первого часа в четверть восьмого и не позднее восьми сорока, когда брат Симон обнаружил тело».

Двадцать пять минут.

– Есть что-нибудь подозрительное? – спросил он.

Оба полицейских отрицательно покачали головой.

– Все занимались своей работой, – сказал Шарбонно. – У всех есть свидетели.

– Так не бывает, – спокойно возразил Гамаш. – Не убил же брат Матье сам себя. Один из братьев занимался вовсе не тем, что ему поручили. По крайней мере, я надеюсь, что убийства ему не поручали.

Бовуар поднял бровь. Он допускал, что шеф шутит, но, вероятно, эту мысль стоило взвесить.

– Давайте попытаемся взглянуть на дело с другой стороны, – предложил старший инспектор. – Кто-нибудь из монахов говорил вам о каких-либо конфликтах в монастыре? Никто не рассорился с приором?

– Никто, patron, – сказал капитан Шарбонно. – По крайней мере, никто об этом не говорил. Они все казались ис-

кренне потрясенными. «Невероятно» – вот слово, повторявшееся постоянно. «Incroyable».

Инспектор Бовуар покачал головой:

– Они верят в непорочное зачатие, в воскресение, в прогулки по воде, в то, что некий старик с бородой парит в небесах и управляет миром, но считают невероятным то, что случилось у них в монастыре?

Гамаш несколько секунд хранил молчание, потом кивнул.

– Занятно, во что люди готовы верить, – согласился он.

И что они готовы совершить ради своей веры.

Как монах-убийца умудряется совмещать преступление и веру? Что в тихие минуты молитвы говорит убийца белобородому старику, парящему в небесах?

Не в первый раз спрашивал себя старший инспектор, почему монастырь Сен-Жильбер-антр-ле-Лу построили в такой глуши. И почему у него такие толстые стены. И такие высокие. И запертые двери.

Чтобы не впустить внутрь мирские грехи? Или чтобы не выпустить в мир чего-то похуже?

– Значит, монахи утверждают, что никаких конфликтов в монастыре нет, – сказал он.

– Никаких, – ответил капитан Шарбонно.

– Кто-то из них лжет, – заметил Бовуар. – Или лгут все поголовно.

– Есть и еще одна вероятность, – добавил Гамаш. Он подтянул к себе желтый пергамент с середины стола. Несколь-

ко секунд разглядывал его. – Может быть, убийство не имеет никакого отношения к приору. Может быть, никаких конфликтов и в самом деле нет. Может быть, его убили из-за этого.

Старший инспектор положил пергамент на стол. И опять представил себе тело таким, каким увидел его впервые. Свернувшееся клубком в темном углу ярко освещенного сада. Тогда он еще не знал, что в центре клубка скрыт лист пергамента. Словно косточка в персике.

Не здесь ли мотив преступления?

– Никто из монахов не заметил ничего странного сегодня утром? – спросил Гамаш.

– Ничего. Все вроде бы делали то, что и должны.

Старший инспектор кивнул и задумался.

– А брат Матье? У него какие обязанности?

– Находиться здесь, в своем кабинете. Работать над музыкой, – ответил Бовуар. – И тут выясняется один интересный факт. Брат Симон, секретарь настоятеля, говорит, что вернулся в кабинет настоятеля сразу после службы первого часа, потом ему нужно было заняться своей работой в animalerie²⁴. Но по дороге туда он заглянул к приору.

– Зачем? – Гамаш выпрямился и снял очки.

– Чтобы передать просьбу настоятеля. Судя по всему, тот хотел встретиться с приором утром после одиннадцатичасовой мессы.

---

²⁴ Здесь: скотный двор (фр.).

Эти слова странно звучали из уст Бовуара. «Настоятель», «приор», «монахи». Ну и ну!

Они уже ушли из словаря квебекцев. Перестали быть частью повседневности. Всего за одно поколение эти слова из уважаемых превратились в нелепые. А вскоре грозили исчезнуть полностью.

«Быть может, Господь на стороне монахов, – подумал Бовуар, – но время – явно нет».

– Брат Симон говорит, что, зайдя к приору передать просьбу настоятеля, он никого здесь не увидел.

– И заходил он сюда приблизительно в двадцать минут девятого, – сказал старший инспектор, делая запись в блокноте. – Интересно, для чего настоятель хотел встретиться с приором?

– А что тут удивительного? – спросил инспектор Бовуар.

– Убитый был правой рукой настоятеля. И мне кажется, что встречи настоятеля и приора должны были происходить регулярно, как у нас с тобой.

Бовуар кивнул. Каждое утро в восемь часов он встречался с шефом, они подводили итоги предыдущего дня и проводили ревизию всех дел, находящихся на расследовании в отделе.

Но вполне вероятно, что в монастыре действовал другой порядок. Да и отец Филипп мало походил на старшего инспектора.

И тем не менее не стоило сомневаться, что настоятель

и приор регулярно встречались.

– Из чего следует, – сказал Бовуар, – что настоятель хотел поговорить с приором не о текущих монастырских делах.

– Возможно. Или о чем-то неотложном. Срочном. Возникшем неожиданно.

– Тогда почему не встретиться с приором немедленно? – спросил Бовуар. – Зачем ждать одиннадцатичасовой мессы?

Гамаш задумался.

– Хороший вопрос.

– Если приор не вернулся после службы первого часа к себе в кабинет, то куда он мог пойти?

– Может, он пошел прямо в сад? – предположил Шарбонно.

– Вполне вероятно, – сказал старший инспектор.

– Тогда почему секретарь настоятеля, брат Симон, не видел его? – спросил Бовуар. – В саду или в коридоре.

– Может быть, он и видел, – сказал старший инспектор. Он понизил голос и театральным шепотом сообщил Бовуару: – Может быть, он тебе солгал.

Бовуар ответил ему таким же громким шепотом:

– Монах? Солгал? Кто-то отправится в ад.

Он посмотрел на Гамаша с наигранной озабоченностью и улыбнулся.

Гамаш улыбнулся ему в ответ и потер лицо. Они собрали множество фактов. И наверное, немало вранья.

– Мы все время повторяем имя брата Симона, – сказал

Гамаш. – Что мы знаем о его перемещениях сегодня утром?

– Сам он говорит вот что. – Бовуар перевернул несколько страничек в блокноте. – После службы первого часа, в четверть девятого, он вернулся в кабинет настоятеля, и настоятель попросил организовать ему встречу с приором после одиннадцатичасовой мессы. После чего настоятель пошел проверить готовность геотермальной системы, а брат Симон отправился на скотный двор. По пути он заглянул сюда. Приора здесь не оказалось, и брат Симон ушел.

– Факт отсутствия приора его не удивил? – спросил Гамаш.

– Не удивил и не озаботил. Приор, как и настоятель, волен распоряжаться своим временем.

Гамаш задумался на секунду.

– Что делал брат Симон после?

– Минут двадцать он работал на скотном дворе, потом вернулся в покои настоятеля, чтобы поработать в саду. Тогда-то он и обнаружил тело.

– У нас есть уверенность в том, что брат Симон ходил в animalerie? – спросил старший инспектор.

Бовуар кивнул:

– Его показания подтверждаются. Другие монахи видели его там.

– А не мог он уйти оттуда раньше? – спросил Гамаш. – Скажем, в половине девятого?

– Я задавал себе тот же вопрос, – ответил Бовуар, улыбаясь.

нувшись. – Другие монахи из тех, что там работали, говорят, что это возможно. Они все занимались своими делами. Вот только вряд ли брат Симон успел бы сделать все, что он сделал, за меньшее время. А все свои работы он завершил.

– Какие именно? – спросил Гамаш.

– Выпустил кур из клеток, задал им свежего корма и воды. Почистил клетки. Тут никого не обманешь – нужно дело делать.

Гамаш что-то записал в своем блокноте.

– Когда мы пришли в кабинет настоятеля, дверь была заперта. Она обычно заперта?

Двое младших полицейских переглянулись.

– Не знаю, шеф, – сказал Бовуар и сделал себе заметку на память. – Выясню.

– Хорошо.

Похоже, это был важный вопрос. Если обычно дверь заперта, значит кто-то должен был впустить приора.

– Что еще? – спросил Гамаш, переводя взгляд с Бовуара на Шарбонно.

– Ничего, – ответил Бовуар. – Если не говорить о том, что я пытался наладить связь по этой хреновине, но она не работает. – Он раздраженно махнул рукой в сторону спутниковой тарелки, которую они притащили из самого Монре-аля.

Гамаш глубоко вздохнул. Расследование в отдаленных точках всегда страдало из-за отсутствия связи. Они приво-

зили современнейшее оборудование в примитивную среду и почему-то удивлялись, что оно не работает.

– Я еще попробую, – сказал Бовуар. – Телекоммуникационной вышки здесь нет, так что наши сотовые тоже не работают. Но сообщения на «Блэкберри» проходят.

Гамаш посмотрел на часы – начало пятого. По договоренности с лодочником у них оставался почти час. Расследование убийства всегда дело трудоемкое, но тут их подгоняли и особые обстоятельства: приближающийся вечер и договоренность с лодочником.

После захода солнца они окажутся прикованными к монастырю. Вместе с вещдоками и телом. А старший инспектор Гамаш никак не хотел этого.

Отец Филипп осенил собрание крестным знамением. Монахи перекрестились.

Потом настоятель сел. И они сели. Они, как тени, повторяли все его движения. Или как дети, подумалось ему. Более милосердные и, наверное, более прилежные.

Хотя некоторые из монахов были значительно старше настоятеля, они почитали его своим отцом. Вождем.

Он был далеко не уверен, что он хороший вождь. И уж конечно, он хуже Матье. Но никого другого у них теперь не осталось.

– Как вам известно, брат Матье умер, – начал настоятель. – Умер неожиданно.

Но дело обстояло еще хуже. Рождались новые слова. Выстраивались одно за другим. Рвались наружу.

– Его насильственно лишили жизни.

Перед последним словом отец Филипп сделал паузу.

– Убили.

«Давайте будем молиться, – подумал он. – Молиться. Петь. Закроем глаза и будем петь псалмы. Забудемся. Затворимся в наших песнопениях и наших кельях. И пусть полицейские делают свое дело».

Но отступить он уже не мог. Как не мог предложить им петь хоралы. Настало время для простых слов.

– К нам прибыла полиция. С большинством из вас они уже поговорили. Мы должны сотрудничать с ними. У нас не должно быть тайн от них. Это означает, что мы должны допустить их не только в наши кельи и на рабочие места, но и в наши мысли и души.

Произнеся эти необычные здесь слова, он заметил несколько кивков. Потом еще несколько. И на бесстрастных лицах, за которыми скрывалась паника, начало появляться понимание. Даже согласие.

Следует ли сказать больше? «Господь милосердный, – молча взмолился он, – должен ли я сказать больше?» Он и без того уже сказал немало. Нужно ли говорить об остальном? И что-то решать?

– Я отменяю обет молчания.

Раздался всеобщий вздох. Его братьев монахов словно ли-

шили одежды, и они остались обнаженными, беззащитными.

– Это необходимо. Вам разрешается говорить. Не болтать. Не сплетничать. Но помогать этим офицерам найти истину.

Теперь на их лицах появилась тревога. Они не сводили с него глаз. Пытались поймать его взгляд.

И хотя ему было больно видеть их испуганные лица, он понимал, что их страх гораздо более естествен, чем то пустое выражение, которое он видел прежде.

И наконец настоятель сделал последний, необратимый шаг.

– Кто-то в нашем монастыре убил брата Матье, – сказал отец Филипп, чувствуя себя человеком, делающим шаг в пропасть. Он знал: проблема слов в том, что, когда они произнесены, взять их назад уже невозможно. – Кто-то из присутствующих здесь убил брата Матье.

Он хотел утешить их, а на самом деле сделал иное – оголил, погрузил в ужас.

– Один из нас должен признаться в преступлении.

Глава восьмая

Пора было отправляться.

– Вы все взяли? – спросил Гамаш у капитана Шарбонно.

– Все, кроме тела.

– Да, лучше его не забывать, – согласился старший инспектор.

Пять минут спустя двое полицейских вынесли из лазарета укрытое тело брата Матье на носилках. Гамаш перед этим искал доктора, брата Шарля, чтобы сообщить ему, что они забирают тело. Но не нашел. Нигде не было и отца Филиппа.

Он исчез.

Как исчез и секретарь настоятеля, неразговорчивый брат Симон.

Как и все монахи в темных мантиях.

Они все исчезли.

Монастырь Сен-Жильбер-антр-ле-Лу не только погрузился в тишину, но и опустел.

Когда они проносили тело через Благодатную церковь, Гамаш оглядел просторное помещение. Скамьи пустовали. Длинные скамейки для хора пустовали.

Даже игривый свет исчез. Радуги пропали.

Отсутствие света означало не просто темноту. Весь монастырь помрачнел, словно на исходе дня что-то собиралось. Если свет дарил радость, то сейчас образовавшуюся пустоту

заполнило какое-то не менее яркое предчувствие беды.

«Равновесие, – думал Гамаш под отзвук шагов по плиточному полу церкви, когда они сопровождали убитого монаха. – Équilibre²⁵. Инь и ян. Рай и ад». Такие противоположности имелись в каждой вере. Антитезы. Они и обеспечивали равновесие.

Прежде был день. А теперь наступал вечер.

Они вышли из церкви в последний длинный коридор. Гамаш видел тяжелую деревянную дверь в конце. Видел чугунную защелку.

Дверь была заперта. Но от кого?

Они добрались до конца, и старший инспектор зашел в маленькую каморку привратника. Но и там было пусто. Никаких следов молодого монаха, брата Люка. Только толстенная книга, которая в действительности содержала нечто большее, чем просто текст, – песнопения.

Музыка осталась, но монах исчез.

– Дверь заперта, шеф, – сказал Бовуар, заглядывая в каморку. – Входная дверь. Ключа тут нет?

Они осмотрели каморку, но ничего не обнаружили.

Шарбонно открыл смотровую щель и выглянул наружу.

– Вижу лодочника, – сообщил он, прижимая лицо к дереву, чтобы лучше видеть. – Лодочник на пристани. Глядит на часы.

Все полицейские тоже взглянули на часы.

---

²⁵ Равновесие (фр.).

Без двадцати пять.

Бовуар и Шарбонно посмотрели на Гамаша.

– Найдите монахов, – велел он. – Я останусь здесь с телом на случай, если вернется брат Люк. Отправляйтесь на поиски раздельно. У нас мало времени.

Неожиданное отсутствие монахов, поначалу казавшееся какой-то странной выходкой, грозило обернуться кризисом. Если лодочник отчалит, то они застрянут в монастыре.

– D'accord²⁶, – пробормотал Бовуар, хотя, судя по его виду, не ждал ничего хорошего. Вместо того чтобы отправиться назад по коридору, он подошел к шефу и прошептал: – Возьмите мой пистолет.

Гамаш покачал головой:

– Мой монах уже мертв. Угрозы от него никакой.

– Но есть и другие, – возразил Бовуар со всей серьезностью. – Включая того, кто это сделал. И того, кто запер нас здесь. Вы остаетесь один. Вам может понадобиться оружие. Пожалуйста.

– Что же будешь делать ты, mon vieux²⁷, если попадешь в переделку? – спросил Гамаш.

Бовуар ничего не ответил.

– Пусть уж лучше он останется у тебя. Только не забывай, Жан Ги: ты ищешь монахов, а не охотишься на них.

– Ищу, но не охочусь, – повторил Бовуар с напускной се-

---

²⁶ Хорошо (фр.).

²⁷ Старина (фр.).

рьезностью. — Я вас понял.

Гамаш быстро прошел вместе с ними до конца коридора. Открыл дверь в церковь и заглянул внутрь. Свет здесь уже не играл — церковь заполнили длинные тени.

— Отец настоятель! — крикнул Гамаш, остановившись в дверях.

Впечатление было такое, будто он бросил внутрь церкви гранату. Властный голос старшего инспектора эхом отдался от каменных стен, усилился. Но Гамаш не вздрогнул от этого громкого звука, напротив, он прокричал снова:

— Отец Филипп!

По-прежнему ничего. Он отошел в сторону, и Бовуар с Шарбонно устремились внутрь.

— Быстро, Жан Ги, — сказал Гамаш пробегающему мимо Бовуару. — И будьте осторожны.

— Oui, patron.

Двое младших полицейских бросились в разных направлениях — Бовуар направо, Шарбонно налево. Гамаш стоял в дверях и смотрел, пока они не исчезли из виду.

— Allô! — снова прокричал Гамаш и прислушался.

Но единственный ответ вернулся к нему эхом собственного голоса.

Старший инспектор Гамаш заклинил церковную дверь, чтобы она не закрылась, а потом пошел по длинному коридору к запертой входной двери. И к телу, которое, словно подношение, лежало перед ней.

Намеренно заходить в тупик – такое противно человеческим инстинктам. Тупик – нечто, откуда нет выхода. Вся его полицейская подготовка, вся интуиция протестовала. Если что-то выскочит на него в коридоре, то выхода у него не будет. Он знал, что Бовуар именно поэтому и предложил ему оружие. Чтобы у него оставался хоть какой-то шанс.

Сколько раз на лекциях в академии, в разговорах с новичками он приказывал им: никогда, ни при каких обстоятельствах не позволяйте загнать себя в тупик.

И тем не менее он шел сюда. «Нужно будет серьезно поговорить с самим собой, – с улыбкой подумал он. – И устроить себе выволочку».

Жан Ги Бовуар вошел в длинный коридор. Точно такой же, как и все другие. Длинный, с высокими потолками и дверью в дальнем конце.

Вдохновленный Гамашем, Бовуар прокричал:

– Bonjour!²⁸ Allô?

Перед тем как дверь закрылась, он слышал голоса шефа и Шарбонно. Произносящие в унисон одно и то же слово: «Allô?»

Дверь закрылась, и все знакомые голоса смолкли. Все звуки смолкли. Наступила тишина. Раздавался только стук Бовуарова сердца.

– Эй? – крикнул он чуть тише.

---

²⁸ Добрый день! (*фр.*)

По обе стороны коридора находились двери. Бовуар поспешил вперед, заглядывая в комнаты. Столовая. Буфетная. Кухня. Нигде ни души. Единственный признак жизни – громадная кастрюля с гороховым супом, кипящим на плите.

Бовуар открыл последнюю дверь слева. И остановился. Замер. Потом вошел внутрь, и дверь бесшумно закрылась за ним.

Капитан Шарбонно, идя по коридору, открывал одну за другой все двери. Совершенно одинаковые.

Тридцать дверей. По пятнадцать с каждой стороны.

Кельи. Он принялся кричать в каждую дверь: «Эй! Эй!», но вскоре понял, что это бесполезно.

Это явно было спальное крыло. С туалетами и душевыми посредине коридора и кабинетом приора в самом начале.

Большая деревянная дверь в дальнем конце была закрыта.

Кельи пустовали. Он понял это, сделав первые шаги по коридору. Ни одной живой души. Но он предполагал, что тут вполне могут обнаружиться души мертвых.

В первых нескольких кельях Шарбонно задержался, чтобы во исполнение служебного долга заглянуть под кровати, хотя и побаивался того, что может там увидеть.

Двадцать лет прослужил он в полиции. Повидал немало ужасов. Сталкивался со страшными происшествиями. Похищениями детей, нападениями, самоубийствами. Исчезновение двух дюжин монахов было далеко не самым страшным

из всего, с чем ему приходилось сталкиваться.

Но уж самым сверхъестественным – точно.

Saint-Gilbert-Entre-les-Loups.

Святой Гильберт среди волков.

Кто дает монастырям такие имена?

– Отец настоятель? – нерешительно позвал Шарбонно. –

Кто-нибудь?

Звук собственного голоса поначалу подействовал на него успокоительно. Естественный, знакомый звук. Но каменные стены изменили его. И то, что эхом возвращалось в его уши, казалось не совсем тем, что срывалось с губ. Похожим. Но не тем.

Монастырь изменил его голос. Взял его слова и усилил чувство. Страх. Отчего его голос звучал карикатурно.

Бовуар вошел в маленькую комнату. Здесь, как и в кухне, на плите стояла большая кастрюля, в которой что-то булькало. Вот только варился здесь не гороховый суп.

Запах от варева исходил какой-то горьковатый. Тяжелый. Аромат далеко не приятный.

Бовуар заглянул в кастрюлю.

Потом сунул палец в густую теплую жидкость. Понюхал. Оглянулся – не видит ли кто – и облизнул.

Испытал облегчение.

В кастрюле оказался шоколад. Темный шоколад.

Бовуар никогда не любил темного шоколада. Считал его

каким-то враждебным.

Он оглядел пустую комнату. Нет, не просто пустую. Брошенную. Шоколад в кастрюле тихонько булькал. Словно вулкан, размышлявший, извергнуться ему или нет.

На деревянном столе лежали маленькие горки горошин очень темного шоколада. Длинные ряды холмиков, похожих на крохотных монахов. Бовуар взял одну горошину, покрутил в руке.

Потом положил в рот.

Последние несколько минут Арман Гамаш осматривал коридор. Не спрятали ли монахи ключ где-то здесь? Но он не увидел тут ни растеньица в горшке, ни какого-нибудь коврика из тех, под которыми прячут ключи.

Гамаш вынужден был признать, что это самое странное дело из сотен проведенных под его руководством расследований в отделе. Притом что каждому убийству сопутствовали некие странности. Более того, нормальное поведение подозреваемых в убийстве само по себе считалось странностью.

Но никогда на его глазах не исчезало целое человеческое сообщество.

Он подозревал, что они прячутся. В его практике случались попытки побега. Но никогда всеобщего. В монастыре остался всего один монах – тот, что лежал у его ног. Старший инспектор надеялся, что брат Матье по-прежнему яв-

ляется единственным мертвым монахом в монастыре Сен-Жильбер-антр-ле-Лу.

Гамаш оставил поиски ключа и взглянул на часы. Время приближалось к пяти. С тяжелым сердцем он открыл смотровую щель и выглянул. Солнце стояло низко над горизонтом, уже касалось верхушек деревьев. Гамаш ощутил запах свежего воздуха, аромат соснового леса. И увидел то, что искал.

Лодочник все еще оставался у пристани.

– Этьен! – позвал Гамаш, приставив рот к щели. – Месье Лего!

Потом посмотрел в щель – лодочник не пошевелился.

Гамаш сделал еще несколько попыток, жалея, что не умеет свистеть таким пронзительным, громким свистом, как умеют другие.

Он пригляделся к лодочнику в лодке и понял, что тот удит рыбу. Забрасывает блесну, крутит катушку. Забрасывает и крутит.

С бесконечным терпением.

По крайней мере, Гамаш надеялся, что терпение у рыбака бесконечное.

Оставив маленькую щель открытой, он отвернулся от двери и замер. Прислушался. Ничего не услышал. Он утешал себя тем, что, по крайней мере, не слышно лодочного мотора.

Гамаш продолжал вглядываться в коридор, спрашивая се-

бя, куда делись монахи. Куда пропали его офицеры. Он гнал от себя образы, порожденные небольшим, но могущественным генератором, укоренившимся глубоко в его сердце и создающим страшные мысли.

Монстр под кроватью. Монстр в стенном шкафу. Монстр в тени.

Монстр в тишине.

Усилием воли старший инспектор прогнал эти видения, пропустил их мимо, словно они были водой, а он – камнем.

Чтобы чем-то себя занять, он вошел в каморку привратника – всего лишь небольшую нишу в каменной стене, с маленьким окошком, выходящим в коридор, узким столом и деревянной табуреткой.

По сравнению с монахами спартанцы купались в роскоши. Гамаш не увидел здесь никаких украшений, фотографий папы или архиепископа. Или изображений Христа. Или Богородицы. Даже календаря.

Один только камень. И одна-единственная толстая книга.

Гамаш едва мог тут повернуться, ему даже пришла в голову мысль, что придется выходить задом. Он отличался крупной комплекцией, а в те времена, когда возводился монастырь, монахи явно были мельче. Он окажется в дурацком положении, если появятся другие и обнаружат, что его заклинило тут в каморке.

Но этого не случилось, и Гамаш уселся на табуретку и попытался найти удобное положение. Прислонился спиной

к одной стене, уперся коленями в другую. Для страдающих клаустрофобией такое место совсем не подходило. Жан Ги впал бы здесь в панику. Как впадал в панику Гамаш, оказавшись на высоком месте. У каждого свои фобии.

Гамаш взял с узкого стола старую книгу. Тяжелую книгу в мягком потрепанном кожаном переплете. Дата на титульном листе отсутствовала, буквы текста посерели. Повыцвели. Текст писался гусиным пером.

Старший инспектор вытащил из своей сумки книжку христианских медитаций, а из нее – лист пергамента, найденный на теле брата Матье и помещенный в эту книжку для лучшей сохранности.

Что, если этот пергамент выдрали из громадного манускрипта, лежащего у него на коленях?

Гамаш надел очки и чуть ли не в сотый раз принялся изучать листок. Снова и снова. Медленно. Пытаясь найти сходство. И различие.

Время от времени он поднимал голову и оглядывал пустой коридор. Прислушивался. Сейчас он хотел увидеть своих людей больше, чем монахов. Он больше не считал нужным смотреть на часы – в этом не было никакого смысла.

Когда Этьен решит уехать, Гамаш не сможет его остановить. Но пока он не слышал звука двигателя.

Гамаш начал листать хрупкие страницы книги.

Она оказалась собранием григорианских песнопений, написанных на латыни, с невмами над словами. Почерковед

мог бы сказать больше, но Гамаш исследовал немало писем, а потому тоже имел кое-какой опыт.

На первый взгляд почерк на листочке мало чем отличался от почерка в книге. Простая форма каллиграфии. В отличие от витиеватых каракулей более поздних поколений эти письма выглядели четкими, аккуратными, изящными.

Но кое-что не совпадало. Мало заметные вещи. Завиток здесь, хвостик на букве там.

Песнопения в книге и на вырванном листке были написаны разными людьми. Это было несомненно.

Гамаш закрыл книгу и занялся пожелтевшим листком. Но теперь он рассматривал не слова, а завитки над ними.

Настоятель сказал, что это невмы. Музыкальная нотация, которая использовалась тысячу лет назад. До появления нот и нотного стана, скрипичного ключа и диеза существовали невмы.

Но что они означали?

Гамаш не знал толком, зачем снова их разглядывает. Не то чтобы он вдруг стал понимать их смысл.

Он целиком и полностью сосредоточился на древних значках, пытаясь понять их, и тут ему почудилось, что он слышит музыку. Он так часто слышал записи григорианских песнопений в исполнении монахов, что эти звуки запечатлелись в его мозгу.

И, глядя на невмы, он слышал их мягкие мужские голоса.

Гамаш медленно опустил страничку, снял очки.

Посмотрел в длинный-длинный коридор. Он по-прежнему слышал пение.

Низкое, монотонное. И оно приближалось.

Глава девятая

Гамаш оставил тело и книгу и пошел на звуки пения, которые привели его в Благодатную церковь. Теперь голоса неслись отовсюду – из стен, пола, балок. Словно само здание состояло из невм.

Старший инспектор озирался на ходу, задерживая взгляд в темных углах церкви, быстро воспринимая все, что доступно глазу. Он дошел почти до самого центра, когда увидел их. И остановился.

Монахи вернулись. Они вереницей выходили из отверстия в стене церкви. Склоненные головы скрыты под белыми капюшонами. Руки скрещены на груди и спрятаны в широких черных рукавах.

Одинаковые. Безликие.

Ни кусочка открытой кожи или волос. Ничто не свидетельствовало о том, что перед ним существа из плоти и крови.

Двигаясь вереницей, монахи пели.

Вот так и звучали невмы, извлеченные из книги.

Знаменитый хор монастыря Сен-Жильбер-антр-ле-Лу распевал молитвы. Григорианские песнопения. Хотя эти звуки слышали миллионы, но созерцать поющих монахов могли единицы. Да что говорить, насколько было известно старшему инспектору, он первым увидел, как монахи поют в своей

церкви.

– Нашел их, – услышал Гамаш у себя за спиной.

Он повернулся, и Бовуар с улыбкой кивнул в сторону алтаря и монахов:

– Можете не благодарить.

Он выглядел так, будто у него гора с плеч свалилась, и Гамаш улыбнулся – он тоже чувствовал облегчение.

Жан Ги остановился рядом со старшим инспектором и посмотрел на часы:

– Пятичасовая служба.

Гамаш покачал головой и чуть не застонал. Какой же он глупец! Каждый квебекец, родившийся до того, как церковь растеряла свой авторитет, знал, что существует пятичасовая служба и любой живой монах к пяти непременно придет в церковь.

Это не объясняло, куда исчезли монахи, но объясняло, почему они вернулись.

– Где капитан Шарбонно? – спросил Гамаш.

– Там. – Бовуар показал в дальний угол церкви, позади вереницы монахов.

– Оставайся здесь, – сказал Гамаш и двинулся в ту сторону, где как раз открылась дверь и появился офицер Квебекской полиции.

Шарбонно выглядел точно так же, как и сам Гамаш, придя в церковь.

Взволнованный, настороженный, подозрительный.

И в последнюю очередь ошеломленный.

Капитан Шарбонно увидел Гамаша и кивнул, потом резко двинулся вдоль стены, огибая монахов, но не сводя с них глаз.

Они занимали свои места у деревянных скамей – в два ряда по обе стороны алтаря.

Наконец свое место занял последний монах.

Настоятель, подумал Гамаш. Он ничем не отличался от остальных в своей простой мантии, подпоясанной веревкой, но старший инспектор знал, что видит отца Филиппа. Его выдавали манеры, движения. Что-то выделяло его.

– Откуда они появились? – спросил вполголоса Шарбонно, подойдя к Гамашу.

– Вон оттуда. – Гамаш показал на стену.

Капитан посмотрел туда, но не увидел ничего, кроме сплошной каменной стены. Он перевел взгляд на Гамаша, но тот ничего не стал объяснять. Не мог объяснить.

– Нам нужно выбираться отсюда, – сказал Бовуар.

Он шагнул было к монахам, но шеф остановил его:

– Подожди немного.

Настоятель занял свое место, и пение смолкло. Монахи остались стоять. Абсолютно неподвижно. Лицом друг к другу.

Полицейские тоже стояли лицом к монахам. Ждали знака от Гамаша. А он смотрел на монахов, на настоятеля. Смотрел пронзительным взглядом. Наконец он принял решение:

– Принесите, пожалуйста, тело брата Матье.

Бовуар удивился, но вышел вместе с Шарбонно, и вскоре они вернулись с носилками.

Тут монахи одним согласованным движением скинули капюшоны с головы, но остались стоять, глядя перед собой.

Нет, догадался Гамаш. Они не смотрят. Глаза у них закрыты.

Они молились. Безмолвно.

– Идемте со мной, – прошептал Гамаш и медленным шагом пошел по самой середине церкви.

Монахи, хотя и пребывали в состоянии транса, не могли не слышать их приближение. Звука их шагов. Наверное, посторонний звук совершенно выбивает их из колеи, догадался старший инспектор.

С момента возведения этих стен более трех веков назад никто не нарушал их службы. Один и тот же привычный ритуал. Знакомый, уютный. Предсказуемый. Приватный. Никогда во время службы они не слышали иных звуков, кроме тех, что производили сами.

До этого мгновения.

Мир нашел их и проник к ним сквозь брешь в толстых стенах. Брешь, пробитую преступлением. Но Гамаш знал, что не он один нарушает святость и приватность их жизни. То же самое сделал и убийца.

Насильственное деяние, совершенное сегодняшним утром в саду, стало причиной многих нарушений их быта.

В том числе и появления старшего инспектора из отдела по расследованию убийств.

Гамаш поднялся на две каменные ступени и остановился. Он жестом велел Бовуару и Шарбонно опустить тело на плиточный пол перед алтарем.

Снова воцарилось молчание.

Гамаш прошелся взглядом по рядам монахов – не косит ли кто на него глазом. И конечно, заметил такого.

Секретарь настоятеля. Брат Симон. На его каменном лице застыло строгое, даже высокомерное выражение. Глаза оставались приоткрытыми. Его разум не полностью отдавался молитве, не полностью – Господу. Потом Гамаш увидел, что глаза брата Симона закрылись.

Гамаш знал, что это ошибка. Останься брат Симон с полуоткрытыми глазами, у Гамаша могли бы возникнуть лишь подозрения, но теперь появилась абсолютная уверенность.

Едва заметное движение век выдало брата Симона вернее любого крика.

Перед Гамашем было сообщество людей, общавшихся между собой каждый день и в течение всего дня. Не только словами. Самый крохотный жест имел смысл и значение, которые остались бы незамеченными в бурном и шумливом мире за стенами монастыря.

Да и сам Гамаш ничего такого не заметил бы, не будь он начеку. А сколько он уже упустил?

Все монахи открыли глаза. Одновременно. И уставились.

На него.

Гамаш внезапно почувствовал себя выставленным напоказ. Глупое ощущение. Его словно застукали там, где он не должен находиться. Например, в алтаре во время службы. Рядом с мертвецом.

Старший инспектор взглянул на настоятеля – единственного из монахов, не смотревшего сейчас на него. Его холодные голубые глаза были прикованы к подношению Гамаша.

К брату Матье.

Следующие двадцать пять минут офицеры полиции сидели бок о бок на скамье для прихожан, пока монахи служили вечерню. Вместе с монахами они садились, вставали, кланялись и садились. Снова вставали. И садились. И преклоняли колени.

– Знал бы – поел бы что-нибудь более калорийное, – пробормотал Бовуар, вставая в очередной раз.

Монахи, если не молчали, исполняли григорианские песнопения.

Жан Ги Бовуар снова сел на жесткую деревянную скамью. Он очень редко бывал в церкви. Иногда на свадьбах, хотя квебекцы нынче предпочитали просто жить вместе. Главным образом бывал он в церквях на похоронах. Но и похороны случались все реже, по крайней мере в церквях. Даже пожилые квебекцы, умирая, завещали похоронить их без церковного отпевания, с гражданской панихидой в похоронном

бюро.

Воскресить их похоронное бюро, конечно, не могло. Но зато оно их ни разу не обмануло.

«Милостивый Господь, – молча молился Бовуар, – пусть это поскорее закончится».

Потом монахи встали и начали новое песнопение.

«Черт побери!» – подумал Бовуар, вставая на ноги. Рядом с ним встал и шеф, положив свои большие руки на спинку скамьи перед собой. Правая его рука слегка подрагивала. Дрожала чуть-чуть, еле видимо, но заметно у человека столь сдержанного, стоявшего так неподвижно. Шеф не пытался скрыть тремор. Но Бовуар обратил внимание, что капитан Шарбонно скосил глаза на Гамаша и заметил эту красноречивую дрожь.

Знает ли капитан причину этой дрожи?

Его так и подмывало отвести Шарбонно в сторону и устроить взбучку, чтобы не пялился. Он хотел, чтобы капитан знал: эта дрожь – не признак слабости. Напротив.

Но он не сделал этого. Он научился сдержанности у Гамаша.

– Жан Ги, – прошептал Гамаш, не сводя глаз с монахов, – брат Матье был регентом хора, так?

– Oui.

– Кто же дирижирует хором после его смерти?

Бовуар помолчал несколько секунд. Теперь, вместо того чтобы отбивать время, слушая, как тянется бесконеч-

ное, невыносимое, скучное пение, он начал прислушиваться, приглядываться.

На скамьях монахов осталось пустое место. Точно напротив места настоятеля.

Там, судя по всему, прежде стоял, сидел, кланялся и молился человек, который сейчас лежал у их ног. Он вел хор по лабиринтам этих скучных песен.

Бовуар днем забавлял себя мыслью, уж не собственными ли руками сотворил приор насилие над собой. Забил себя камнем до смерти, лишь бы не присутствовать на очередной выносящей мозги мессе.

Только так инспектор удерживался от желания броситься с криком на одну из каменных колонн в надежде, что от удара по лбу он на какое-то время потеряет сознание и не будет слышать этой тягомотины.

Но теперь его жаждущий работы мозг занялся решением задачи.

Гамаш задал ему хороший вопрос.

Кто дирижирует хором сейчас, когда дирижер умер?

– А что, если никто? – прошептал он после двухминутного наблюдения за монахами. – Они, вероятно, знают эти мелодии наизусть. Разве они не повторяют каждый день одно и то же?

Все эти песнопения, на его взгляд, мало чем отличались одно от другого.

Гамаш покачал головой:

– Я так не думаю. Песнопения меняются от мессы к мессе, ото дня ко дню. Дни праздников, дни святых и всякое такое.

– Вы имеете в виду, *et cetera*?

Шеф слегка улыбнулся и посмотрел на него внимательнее.

– И тому подобное, – сказал Гамаш. – *Ad infinitum*²⁹.

– Уже лучше. – Бовуар немного помолчал. – Вы разбираетесь в том, о чем говорите?

– Знаю кое-что, хотя и не много, – признал старший инспектор. – Я знаю достаточно о хорах, чтобы понимать: они не могут дирижировать сами собой, как не может обходиться без дирижера симфонический оркестр, сколько бы раз они ни исполняли ту или иную вещь. Руководитель все равно необходим.

– Разве настоятель не руководит ими? – спросил Бовуар, посмотрев на отца Филиппа.

Старший инспектор тоже остановил взгляд на высоком стройном человеке в монашеской мантии. Кто на самом деле руководит этими монахами? Вот о чем спрашивали себя Гамаш и Бовуар, когда в очередной раз поклонились и сели. Кто руководит ими в эти минуты?

Раздался звон колокола «Ангелус», его низкий, сочный звук разнесся над деревьями и озером.

Вечерня закончилась. Монахи поклонились распятию и гуськом двинулись прочь от алтаря. Гамаш и его люди на-

---

²⁹ До бесконечности (*лат.*).

блюдали за этим, стоя у своих скамеек.

– Взять ключ у того молодого монаха? – Бовуар показал на брата Люка.

– Через секунду, Жан Ги.

– Но лодочник...

– Если он еще не отчалил, то никуда не денется.

– Откуда вы знаете?

– Потому что его одолевает любопытство, – ответил Гамаш, изучая монахов. – Ты не хочешь подождать?

Монахи спускались со ступеней алтаря и, разделяясь на две вереницы, уходили из церкви вдоль стен. «Да, – подумал Бовуар, стрельнув взглядом в Гамаша, – я подожду».

Теперь, когда монахи опустили капюшоны и подняли голову, Гамаш мог видеть их лица. Одни из них, видимо, недавно плакали, другие выглядели настороженными, третьи – усталыми и взволнованными. У некоторых на лице было написано любопытство, словно перед ними разворачивался спектакль.

Гамаш не вполне доверял своим ощущениям. Столько сильных эмоций рядилось здесь совсем в иные одеяния. Тревога могла выглядеть виной. Облегчение – весельем. Глубокая и безутешная скорбь часто не проявлялась никак. Те, кого мучили сильные страсти, могли выглядеть бесстрастными, лицо не выражало ничего, а в душе бушевали эмоции.

Старший инспектор оглядел эти лица и остановился на двух.

Первый – молодой привратник, впустивший их в монастырь. Брат Люк. Гамаш видел большой ключ на веревке-по-ясе молодого монаха.

Люк казался самым бесстрастным из всех. Но он явно был расстроен, когда их впускал.

Потом Гамаш обратил взгляд на мрачного секретаря настоятеля. Брата Симона.

Печаль. От монаха исходили волны печали.

Не вина, не скорбь, не гнев или траур. Не *ira* и не *illa*.

Чистая печаль.

Брат Симон смотрел на алтарь. На двух все еще остававшихся там людей.

На приора и настоятеля.

По кому он так сильно печалился? По какому человеку? Или он печалится по самому монастырю? Печалится о том, что Сен-Жильбер-антр-ле-Лу потерял больше чем человека. Что он сбился с предначертанного пути.

Отец Филипп помедлил перед большим деревянным крестом, низко поклонился. Он остался один перед алтарем. Если не считать тела приора. Его друга.

Несколько секунд настоятель оставался в поклоне.

Не дольше ли, чем обычно, спрашивал себя Гамаш. Может быть, ему слишком трудно снова распрямиться, повернуться лицом к наступающему вечеру, следующему дню, следующему году, остатку жизни? Может быть, сила тяжести слишком велика для него?

Настоятель медленно выпрямился. Он даже как будто расправил плечи, вытянулся во весь рост.

Потом повернулся и увидел нечто, чего не видел никогда прежде.

Людей на скамьях для прихожан.

Отец Филипп не знал, откуда вообще в Благодатной церкви взялись скамьи для прихожан. Они стояли здесь, когда он появился в монастыре сорок лет назад, и они останутся здесь, когда забудут даже память о нем.

Он никогда не задавался вопросом, зачем в закрытом монастыре эти скамьи.

Настоятель нащупал у себя в кармане четки, и его пальцы задвигались сами по себе. Четки давали ему утешение, которого он тоже никогда не оспаривал.

– Старший инспектор... – сказал он, сходя с алтарных ступеней.

– Отец Филипп... – Гамаш слегка поклонился. – К сожалению, нам придется увезти тело. – Он показал на приора, потом повернулся и кивнул Бовуару.

– Понятно, – кивнул настоятель, хотя прекрасно знал, что ничего не понимает. – Ступайте за мной.

Он подал знак брату Люку, и тот поспешил вперед, а настоятель и старший инспектор направились в сторону коридора, ведущего к запертым дверям. Следом за ними двинулись Бовуар и капитан Шарбонно с носилками.

Бовуар услышал за собой какой-то шаркающий звук

и оглянулся.

Монахи, выстроившись в два ряда, шли за ними, словно длинный черный хвост.

– Мы пытались найти вас раньше, отец настоятель, – сказал Гамаш. – Но не смогли. Где вы пропадали?

– В соборании.

– А где находится собрание?

– Собрание – это и место, и событие, старший инспектор. Зал для собраний расположен вон там. – В последний момент перед выходом в коридор настоятель махнул рукой на стену Благодатной церкви.

– Я видел, как вы оттуда появлялись, – сказал Гамаш. – Но мы искали дверь и не смогли найти.

– Она находится за памятной плитой в честь святого Гильберта.

– Потайная дверь?

На лице настоятеля появилось озадаченное выражение, вопрос Гамаша немного удивил его.

– Потайная не для нас, – ответил он наконец. – Все знают о ней, тут нет тайны.

– Тогда почему эта дверь спрятана?

– Потому что всем, кто должен о ней знать, известно, что она там, – ответил настоятель, глядя не на Гамаша, а на закрытую дверь впереди. – А те, кому не следует о ней знать, не должны ее найти.

– Значит, она скрыта намеренно, – настойчиво продолжал

Гамаш.

– Да, намеренно, – согласился настоятель. Они подошли к запертой двери, ведущей в большой мир, и тут отец Филипп взглянул в глаза Гамашу. – Если нам понадобится спрятаться, то у нас есть где.

– Но зачем вам прятаться?

Настоятель едва заметно улыбнулся. В его улыбке был намек на снисходительность.

– Уж вы-то в первую очередь должны это понимать, старший инспектор. Дело в том, что мир не всегда добр. Нам всем иногда необходимо безопасное место.

– Но как оказалось, бояться вам нужно не внешнего мира, а того, что внутри, – заметил Гамаш.

– Да, вы правы.

Гамаш задумался на секунду.

– Значит, вы спрятали дверь в ваш зал для собраний в стене церкви?

– Не я ее там сделал. Монастырь воздвигли задолго до моего появления здесь. Первые монахи. Времена были другие. Жестокие. Тогда монахам и в самом деле приходилось прятаться.

Гамаш кивнул и посмотрел на толстую деревянную дверь перед ними. Выход в большой мир. Дверь оставалась прежней, хотя прошли века.

Он знал, что настоятель прав. В те времена, когда срубили огромное дерево, из которого сотни лет назад сделали эту

дверь, люди запирались на засов не по традиции, а по необходимости. Реформация, инквизиция, междоусобные войны. В те времена католики подвергались преследованиям. А угроза, как и сегодня, нередко таилась внутри.

В Европе в домах священников имелись тайные ходы. Ради возможности спастись выкапывались туннели.

Некоторые спаслись в немыслимой дали – в Новом Свете. Но даже этого было недостаточно. Гильбертинцы³⁰ ушли еще дальше. Пропали в одном из белых пятен на карте.

Исчезли.

Чтобы появиться более трех столетий спустя. На радио.

Голоса ордена, считавшегося давно исчезнувшим, слышали сначала немногие. Потом – сотни, потом тысячи и сотни тысяч. Благодаря Интернету миллионы людей прослушали необычные короткие записи.

Записи песнопений в исполнении монахов.

Эти записи стали сенсацией. Вскоре григорианские хоралы в их исполнении обрели известность во всем мире. *De rigueur*³¹. Считалось, что интеллигенция, специалисты и, наконец, простые люди непременно должны слушать эти записи.

Хотя голоса монахов-гильбертинцев звучали повсюду, никто их не видел. Но наконец их нашли. Гамаш помнил соб-

---

³⁰ *Гильбертинцы* – исчезнувший монашеский католический орден, основанный святым Гильбертом около 1130 г. в Семпрингхеме (Англия).

³¹ (Стали) обязательными (*фр.*).

ственное удивление, когда стало известно, где живут эти монахи. Он полагал, что они обретаются на каком-нибудь отдаленном холме во Франции или в Испании. В крохотном древнем разрушающемся монастыре. Оказалось – нет. Записи сделал орден монахов, обосновавшийся прямо у него под боком, в Квебеке. И не какой-нибудь известный орден. Не трапписты, не бенедиктинцы, не доминиканцы. Нет. Обнаружение этих монахов удивило даже Католическую церковь. Записи сделал орден монахов, который церковь считала исчезнувшим. Гильбертинцы.

Но они нашлись здесь, в глуши, на берегу далекого озера. Они не исчезли, они исполняли песнопения, столь древние и прекрасные, что сумели разбудить какие-то первобытные чувства в миллионах людей по всему свету.

Люди стали приезжать в монастырь. Одни из любопытства. Другие – отчаянно жаждая обрести тот мир, что вроде бы обрели монахи. Но эти «врата», изготовленные из дерева, срубленного сотни лет назад, выдержали напор. И не открылись чужакам.

Пока не настало сегодня.

Тяжелые двери открылись, чтобы впустить полицейских, а сейчас вот-вот должны были открыться снова, чтобы их выпустить.

Привратник вышел вперед, держа большой черный ключ. По еле заметному знаку настоятеля он вставил ключ в скважину. Легко повернул – и дверь открылась.

Через прямоугольник дверного проема хлынуло заходящее солнце, его красные и оранжевые лучи отражались в спокойной, чистой глади озера. Леса уже погрузились в темноту, низко над водой кружили, перекликаясь, птицы.

Но гораздо более величественное зрелище являл собой перепачканный машинным маслом лодочник. С сигаретой в зубах он сидел на пристани. Удил рыбу.

Он помахал, увидев открывшуюся дверь, и старший инспектор помахал ему в ответ. Потом лодочник поднялся на ноги, повернувшись обширным задом к монахам. Гамаш подал знак Бовуару и Шарбонно, и те с носилками пошли первыми. После чего на пристань двинулись Гамаш с настоятелем.

Остальные монахи остались внутри, сгрудившись у открытой двери. Вытягивали шею, чтобы увидеть, что происходит.

Настоятель поднял голову к небесам, испещренным красными полосами, и закрыл глаза. Не в молитве, подумал Гамаш, но словно наслаждаясь. Получая удовольствие от этих бледных лучей, ласкающих его лицо. Получая удовольствие от неровной, непредсказуемой земли, по которой ступал.

Потом он открыл глаза.

– Спасибо, что не прервали вечерню, – сказал он, не глядя на Гамаша, но продолжая наслаждаться окружающим миром.

– Не за что.

Отец Филипп сделал еще несколько шагов:

– И спасибо, что принесли Матье в алтарь.

– Не за что.

– Не знаю, поняли ли вы, что дали нам возможность прочесть специальную молитву – заупокойную.

– Я сомневался, – признал старший инспектор, тоже любясь зеркальной гладью озера. – Но мне показалось, что я слышал «Dies irae».

Настоятель кивнул:

– И «Dies illa».

День гнева. День скорби.

– Монахи скорбят? – спросил Гамаш.

Их шаг замедлился, они почти остановились.

Старший инспектор ждал мгновенного ответа, реакции потрясенного человека. Но настоятель задумался.

– Матье не всегда был уживчивым. – Он улыбнулся своим воспоминаниям. – Да и не существует, наверное, людей, всегда и со всеми уживающихся. Мы должны быть терпимыми друг к другу – вот одно из первых правил, которое мы узнаем, становясь монахами.

– А что происходит, если вы нарушаете это правило?

Отец Филипп снова помолчал. Гамаш понимал, что, несмотря на простоту вопроса, ответ на него далеко не прост.

– Подобное нарушение может привести к очень дурным последствиям, – сказал настоятель. Он говорил, не глядя на Гамаша. – Такое случается. Но мы научаемся поступаться

собственными чувствами ради большего блага. Мы научаемся жить в ладу друг с другом.

– Но не обязательно любить друг друга, – заметил Гамаш.

Он знал, что и в Квебекской полиции дела обстоят таким образом. Он не любил кое-кого из своих коллег. И знал, что эти чувства взаимны. На самом деле слова «не любил» были эвфемизмом. Это чувство трансформировалось из несогласия в неприязнь, потом – в недоверие. И продолжало усиливаться. Пока не переходило во взаимную ненависть. Гамаш не знал, во что оно будет развиваться дальше, но мог себе представить. Тот факт, что он ходил в подчиненных у таких людей, лишь усугублял ситуацию. Требовал от них, чтобы они хотя бы временно изобрели какой-нибудь способ сосуществования. Либо так, либо разорвать друг друга и саму полицейскую службу в клочья. Подставляя лицо восхитительным солнечным лучам, Гамаш в который уже раз подумал, что подобный вариант развития событий не исключается. И хотя в тишине раннего вечера его служебные заботы казались такими далекими, Гамаш знал, что тишина не продлится долго. Скоро наступит ночь. И лишь глупец встречает ее неподготовленным.

– Кто мог это сделать, отец Филипп?

Они остановились на пристани, наблюдая, как лодочник и полицейские закрепляют укрытое тело брата Матье в лодке, рядом с уловом окуня и форели и извивающимися червями.

И опять настоятель задумался.

– Не знаю. Должен бы, но не знаю.

Он оглянулся. Монахи высыпали за дверь и выстроились полукругом, наблюдая за ними. Брат Симон, секретарь настоятеля, вышел на два шага вперед.

– Бедняга, – еле слышно произнес настоятель.

– Вы о ком?

– Что?

– Вы сказали «бедняга». Кого вы имели в виду? – спросил Гамаш.

– Того, кто сделал это.

– А кто это сделал, отец Филипп?

У Гамаша сложилось впечатление, что, произнося слово «бедняга», настоятель смотрел на одного из монахов. На брата Симона. На печального монаха. Того, кто вышел вперед, отделившись от остальных.

Последовало несколько мгновений напряженной тишины – настоятель изучал свою паству, а Гамаш смотрел на настоятеля. Наконец отец Филипп снова перевел взгляд на старшего инспектора.

– Я не знаю, кто убил Матье. – Он покачал головой и устало улыбнулся. – Я и в самом деле поверил, что смогу посмотреть на них сейчас и сказать, кто это сделал. Что он будет чем-то отличаться от остальных. Или от меня. Что я это увижу. – Настоятель издал смешок. – Эго. Гордыня.

– И?.. – спросил Гамаш.

– И ничего не получилось.

– Не переживайте. Со мной такое тоже случается. Я говорю себе, что вот посмотрю на кого-то и сразу же узнаю в нем убийцу. Ничего не выходит, но я не оставляю попыток.

– А что бы вы стали делать, если бы получилось?

– Простите, не понял.

– Что, если бы вы посмотрели на кого-то и признали в нем убийцу?

Гамаш улыбнулся:

– Я бы не стал доверять себе. Наверное, подумал бы, что это лишь мое воображение. И потом, вряд ли мне удалось бы убедить судью, если бы я сказал: «Я просто знаю».

– Вот в чем разница между нами, старший инспектор. Вам в вашей работе нужны доказательства. А мне – нет.

Настоятель снова огляделся, и Гамаш спросил себя, что происходит сейчас между ними: пустячный разговор или что-то более серьезное. Собравшиеся полукругом монахи продолжали смотреть на них.

Один из них убил брата Матье.

– Что вы ищете, отец Филипп? Доказательств вам, может, и не требуется, но без знака не обойтись. Какой знак на их лицах вы пытаетесь найти? Выражение вины?

Настоятель покачал головой:

– Я не искал вину. Я искал боль. Вы хоть представляете себе, как он страдал, пойдя на убийство? И как он страдает сейчас?

Старший инспектор снова пробежал взглядом по их лицам, наконец посмотрел на человека, стоявшего рядом с ним. И Гамаш действительно увидел боль на лице одного из монахов. На лице отца Филиппа. Настоятеля.

– Вы знаете, кто убийца? – снова спросил Гамаш тихим голосом. Таким тихим, что его слышали только настоятель и свежий осенний воздух. – Если знаете, то должны мне сказать. Я ведь так или иначе его найду. Это моя работа. Но процесс ужасен. Ужасен. Вы не представляете, какие подспудные страсти он может разбудить. А когда пойдет настоящая работа, она уже не остановится, пока убийца не будет найден. Если в ваших силах избавить от страданий невинных людей, я прошу вас сделать это. Скажите мне, кто он, если знаете.

Эти слова снова приковали внимание настоятеля к крупному человеку, стоящему перед ним. Легкий ветерок шевелил седеющие волосы, чуть выющиеся за ушами старшего инспектора. Но в остальном Гамаш оставался неподвижен. И тверд.

Его темно-карие глаза смотрели задумчиво.

С добротой.

И отец Филипп поверил Гамашу. Старшего инспектора привезли в монастырь, допустили внутрь, чтобы он нашел убийцу. Чего всегда и ждали от старшего инспектора. И он почти наверняка хорошо знал свое дело.

– Я бы сказал вам, если бы знал.

– Мы готовы! – крикнул Бовуар с лодки.

– Вон.

Гамаш еще несколько секунд смотрел в глаза настоятеля, потом повернулся и увидел, что лодочник держит в мощной руке шнур, готовясь запустить двигатель.

– Капитан Шарбонно? – Гамаш жестом пригласил местного полицейского занять место в лодке.

– Нам бы хотелось сохранить конфиденциальность, – сказал Филипп.

– Боюсь, что не получится, отец. Новость, как и всегда, будет распространяться независимо от нас, – ответил Гамаш. – Может быть, вам самому следовало бы сделать заявление.

Он увидел отвращение на лице настоятеля и понял, что ничего подобного тот делать не будет.

– Au revoir, старший инспектор, – сказал отец Филипп, протягивая руку. – Спасибо за вашу помощь.

– Не за что, – ответил Гамаш, отвечая на рукопожатие. – Но это еще не конец.

По кивку Гамаша лодочник дернул шнур, и мотор заурчал.

Бовуар бросил канат в лодку, и она отчалила. Гамаш и Бовуар остались на пристани.

– Вы остаетесь? – недоуменно спросил настоятель.

– Да, мы остаемся. Либо я остаюсь с убийцей, либо вся наша работа теряет смысл.

Бовуар стоял рядом с Гамашем, и они вдвоем наблюдали, как маленькая лодка бежит по бухточке, залитой лучами за-

ходящего солнца, и исчезает за поворотом.

Двое полицейских оставались на пристани, пока не стих звук двигателя.

Потом они повернулись спиной к большому миру и последовали за фигурами в мантиях в монастырь Сен-Жиль-бер-антр-ле-Лу.

Глава десятая

Начало вечера Бовуар провел, оборудуя оперативный штаб в кабинете приора. Тем временем старший инспектор Гамаш читал протоколы допросов, а кое с кем из монахов поговорил подробнее.

Перед его мысленным взором стала вырисовываться картина. Насколько она точна, он не мог сказать, но картина получилась ясная, и, как ни удивительно, не обнаружилось никаких расхождений между показаниями монахов.

После пятичасовой утренней службы они позавтракали и подготовились к дневным трудам. В семь тридцать пришли на службу первого часа. Она закончилась в четверть девятого. И начался рабочий день.

Работу они выполняли самую разную, но для каждого она день ото дня по большей части оставалась неизменной.

Они трудились в саду или на скотном дворе. Делали уборку в монастыре, работали в архивах, занимались ремонтом. Готовили еду.

Каждый из монахов, как выяснилось, специализировался в своей области, будь то повар, садовник, инженер или историк.

И все они без исключения были великолепными музыкантами.

– Как так получается, Жан Ги? – спросил Гамаш, отрыва-

ясь от своих записей. – Они все замечательные музыканты.
– Вы меня спрашиваете? – раздался голос Бовуара из-под стола: он пытался подключить к сети ноутбук. – Может, простое везение?

– Простое везение будет, если тебе удастся подключить эту штуку, – сказал старший инспектор. – Мое мнение таково, что здесь работает что-то вроде агентства по найму.

– Надеюсь, вы не имеете в виду «божественное».

– Не совсем, хотя я бы и его не исключал. Нет, я думаю, что они получили приглашение.

Бовуар высунул из-под стола голову с темными растрепанными волосами:

– Что, как хоккейные игроки?

– Как ты, например. Я нашел тебя в хранилище улик. Помнишь, как ты там бездельничал?

Бовуар никогда не забывал этого. Его изгнали в подвал, потому что никто не хотел с ним работать. Нет, не из-за его некомпетентности – из-за несносности. Хотя Бовуар предпочитал думать, что ему просто завидовали.

Его отправили в хранилище улик, потому что он мог работать только с мертвыми вещами.

Начальство хотело, чтобы он уволился. Ждало, что уволится. И, откровенно говоря, он уже созрел для увольнения, но тут появился старший инспектор Гамаш, которому для следствия понадобился какой-то из вещдоков в хранилище. А нашел он там агента Жана Ги Бовуара.

И пригласил его принять участие в расследовании.

Бовуар никогда не забудет того дня. Он взглянул тогда в глаза Гамашу, и дурацкая острота замерла у него на губах. Его так часто обдурили, обманывали, оскорбляли, запугивали. Он не позволял себе надеяться, что сейчас с ним не разыгрывают очередную шутку. Новый поворот жестокости. Потому что Бовуар чувствовал, что умирает здесь, в подвале. А ведь он всегда мечтал быть офицером Квебекской полиции. И с каждым днем его мечта таяла.

Но вот пришел этот крупный человек со спокойными манерами и предлагает забрать его отсюда.

Спаси. Хотя они и не знакомы.

И агент Бовуар, поклявшийся никому больше не доверять, поверил Арману Гамашу. Это случилось пятнадцать лет назад.

Неужели эти монахи тоже получили предложение? Неужели их кто-то нашел? Даже спас? И привез сюда?

– Значит, вы считаете, что кто-то заманил их в этот монастырь? – спросил Бовуар, вылезая из-под стола и отряхивая брюки.

Гамаш улыбнулся и посмотрел на Бовуара поверх своих полукруглых очков:

– У тебя удивительный дар во всем находить что-то подозрительное, даже зловещее.

– Merci. – Бовуар плюхнулся на жесткий деревянный стул.

– Работает? – Гамаш кивнул на ноутбук.

Бовуар нажал несколько клавиш:

– Ноутбук работает, но в Интернет выхода нет.

Он продолжал без толку насилловать мастер подключения к Интернету.

– А не помолиться ли тебе? – предложил Гамаш.

– Я собирался помолиться, чтобы тут что-нибудь превратилось в еду. – Бовуар оставил попытки подключиться к Интернету. – Как вы думаете, когда у них обед?

Потом он вспомнил кое о чем и достал из кармана маленький пакетик вощенной бумаги. Положил его на стол и развернул.

– Это что? – спросил его шеф, приглядываясь.

– А вы попробуйте.

Гамаш взял шоколадную горошину своими длинными пальцами – она казалась в них микроскопической – и отправил в рот. Бовуар улыбнулся, увидев удивление и удовольствие на лице Гамаша.

– Черничный вкус?

Бовуар кивнул:

– Да, такие маленькие лесные ягоды. В шоколаде. У них тут поточное производство. Я нашел шоколадный цех, пока искал монахов. Похоже, эта находка лучше, чем монахи.

Гамаш рассмеялся. Они вместе съели несколько шоколадных конфет. Гамаш не мог не признать, что ничего вкуснее в жизни не ел, а шоколад он любил и пробовал его немало.

– Какова вероятность того, что у всех двадцати четырех

монахов, у всей честной компании, случайно оказались хорошие голоса?

– Очень низкая.

– И не просто хорошие голоса – великолепные. Причем такие, которые подходят друг к другу, сочетаются.

– Их, наверное, научили, – предположил Бовуар. – Их дирижер, убитый.

– Но ему требовался исходный материал. Я в музыке не эксперт, но даже я знаю, что выдающийся хор – не просто собрание прекрасных голосов. Голоса должны быть определенные, дополняющие друг друга. Гармоничные. Эти монахи оказались здесь не случайно. Я думаю, их специально подбирали для исполнения хоралов.

– Наверное, их специально вывели, – тихо произнес Бовуар, округлив глаза в притворном ужасе. – Наверное, тут какой-то заговор Ватикана. Может, такая музыка позволяет внедряться в мозги людей. Заманивать их назад, в церковь. Зомбировать.

– Боже мой, какая блестящая гипотеза! И такая очевидная. – Гамаш восторженно посмотрел на Бовуара.

Бовуар рассмеялся:

– Значит, вы думаете, что монахи специально отбирались?

– Не исключено. – Старший инспектор поднялся на ноги. – Продолжай работать в этом направлении. Хорошо бы все же установить связь с внешним миром. Я пойду поговорю с привратником.

– Почему с ним? – спросил Бовуар.

– Он здесь самый молодой и, вероятно, приехал самым последним.

– А убийства происходят, когда что-то меняется, – заметил Бовуар. – Что-то спровоцировало убийство брата Матье.

– Оно наверняка вызревало какое-то время. Большинство убийств зреет годами. Но в конечном счете кто-то или что-то нарушает равновесие.

Этим и занимался Гамаш со своей командой. Они просеивали множество событий, чтобы найти одно, нередко очень незначительное с виду. Слово. Взгляд. Оскорбление. Ту последнюю каплю, что переполнила чашу. Что-то превратившее человека в убийцу. Но чтобы превратить в убийцу монаха, наверняка требовалось больше времени.

– А каково было самое последнее изменение? – спросил Гамаш. – Скорее всего, прибытие брата Люка. Вероятно, оно каким-то образом нарушило равновесие, гармонию в монастыре.

Шеф закрыл за собой дверь, и Бовуар вернулся к работе. Пока он пытался сообразить, какие тут нелады с соединением, мысли его вернулись к хранилищу вещдоков. К его аду. Но еще он думал о двери с надписью «Porterie»³².

И о молодом человеке, сосланном туда.

Может, его ненавидели? Наверно, ненавидели, если упрятали в эту каморку. Все остальные работы в монастыре име-

---

³² Привратническая (*фр.*).

ли какой-то смысл. Кроме этой. Зачем у дверей, которые никогда не открываются, сажать привратника?

Гамаш шел по коридорам, то и дело встречая монахов. Он уже начал узнавать их, хотя пока не мог связать имена и лица.

Брат Альфонс? Брат Фелисьен?

На лицах монахов всегда отражалось спокойствие, руки они держали в рукавах, и Гамаш уже понял, что таковы монастырские правила. Встречаясь с ним, они неизменно ловили его взгляд и кивали. Кое-кто отваживался на едва заметную улыбку.

На расстоянии все они казались умиротворенными. Сдержанными.

Но в тот миг, когда они проходили мимо, Гамаш видел тревогу в их глазах. Мольбу.

О чем они молили? Чтобы он поскорее уехал? Остался? Помог? Или не вмешивался?

Когда он только появился здесь – всего несколько часов назад, – монастырь Сен-Жильбер-антр-ле-Лу предстал перед ним тихой гаванью. Местом умиротворения. Он казался удивительно прекрасным. Его аскетичные стены не обдавали холодом, а успокаивали. Дневной свет, преломленный старинным стеклом, разлагался на красный, фиолетовый, желтый. На отдельные цвета. Но все вместе они создавали какой-то головокружительный эффект.

Как и сам монастырь. Он состоял из отдельных личностей. Каждый монах сам по себе был человеком исключительным, а вместе они становились блестящими.

Кроме одного. Тени. Наверное, необходимой, чтобы оттенять свет.

Проходя по Благодатной церкви, Гамаш встретил еще одного монаха.

Брат Тимоте? Брат Гийом?

Они обменялись кивками, и опять Гамаш уловил какое-то просительное выражение во взгляде безымянного монаха.

Наверное, каждый из них молил о чем-то своем, непохожем на желания других, обусловленные особенностями личности и характера.

Этот монах – брат Жоэль? – явно хотел, чтобы Гамаш убрался. Не потому, что боялся, а потому, что Гамаш превратился в ходячий билборд, рекламирующий убийство приора. И их несостоятельность как сообщества.

Они годились только на одно – служить Господу. Но монастырь пошел в противоположном направлении. И Гамаш стал тем восклицательным знаком, который заставил их посмотреть правде в глаза.

Старший инспектор повернул направо и двинулся по длинному коридору к закрытой двери. Он начинал ориентироваться в монастыре, даже чувствовать себя здесь как дома.

Монастырь имел форму креста с Благодатной церковью

в центре.

Снаружи уже стемнело. Коридоры едва освещались. Возникало впечатление, что время уже к полуночи, но часы Гамаша показывали, что еще нет и половины шестого.

Дверь с надписью «Porterie» была закрыта. Гамаш постучал.

Подождал.

Изнутри раздался какой-то тихий звук. Шелест перевернутой страницы. Потом опять тишина.

– Я знаю, что вы здесь, брат Люк, – тихо произнес Гамаш, стараясь не походить на страшного серого волка.

Снова послышался шелест бумаги, и наконец дверь открылась.

Брат Люк был молод. Ему, вероятно, не исполнилось и двадцати пяти.

– Oui? – сказал монах.

И тут Гамаш понял, что впервые этот мальчик обратился непосредственно к нему. Пусть и одним коротким словом. Но Гамаш услышал, что голос у брата Люка насыщенный и бархатистый. Почти наверняка великолепный тенор. Если сам брат Люк казался худосочным, то сказать то же самое про его голос было никак нельзя.

– Мы могли бы поговорить? – спросил Гамаш.

Его собственный голос звучал ниже, чем у молодого монаха.

Брат Люк стрельнул глазами в одну, другую сторону, по-

том за плечо Гамаша.

– Я думаю, нас никто не услышит, – сказал старший инспектор.

– Oui, – повторил монах, сложив руки перед собой.

Это выглядело пародией на позу других монахов. В брате Люке не чувствовалось спокойствия. Молодой монах словно разрывался между двумя чувствами: он боялся Гамаша и в то же время испытывал облегчение, увидев его. Брат Люк хотел, чтобы старший инспектор ушел – и чтобы остался.

– Меня уже допрашивали, месье.

Его голос звучал прекрасно даже в разговорной речи. Какое же расточительство скрывать его за обетом молчания!

– Я знаю, – сказал Гамаш. – Я читал протокол. Вы находились здесь, когда нашли тело брата Матье.

Люк кивнул.

– Вы поете? – спросил старший инспектор.

В любой другой ситуации задавать такой вопрос подозреваемому было бы нелепо. Но не здесь.

– Мы все поем.

– Как давно вы в Сен-Жильбере?

– Десять месяцев.

Монах ответил не сразу, и Гамаш почувствовал, что молодой человек мог бы сказать ему, сколько дней, часов и минут прошло с того дня, когда за ним закрылась эта тяжелая дверь.

– Почему вы приехали сюда?

– Из-за музыки.

Гамаш не мог понять, намеренно ли брат Люк так лаконичен, или же молчание стало для него естественным состоянием, а речь – нет.

– Не могли бы вы отвечать подробнее, mon frère?

На лице брата Люка появилось раздражение.

Молодой человек, скрывающий вспыльчивый характер под мантией монаха. Столько всего таится в молчании! Но Гамаш знал, что большинство эмоций все равно прорывается наружу, в особенности гнев.

– Я слышал записи, – проговорил Люк. – Песнопения. Я готовился поступить в другой орден – на юге, у границы. У них тоже есть песнопения. Но не такие.

– Какие?

– Трудно сказать, в чем различие. – Выражение лица брата Люка изменилось, как только он подумал о музыке. То спокойствие, какое он выказывал прежде, было неискренним. – Услышав пение монахов из Сен-Жильбера, я понял, что ничего подобного в жизни не слышал. – Люк искренне улыбнулся. – Наверно, я должен бы сказать, что приехал сюда, чтобы быть ближе к Богу, но Бога я могу найти в любом монастыре. А вот таких песнопений ни в каком другом монастыре не найдешь. Только здесь.

– Смерть брата Матье, наверное, большая потеря.

Парень открыл было рот, но тут же закрыл. Его подбородок чуть отвис, эмоции почти прорвались наружу.

– Вы и представить себе не можете.

– Приор стал одной из причин, по которой вы приехали сюда?

Брат Люк кивнул.

– Вы останетесь? – спросил Гамаш.

Брат Люк опустил глаза на руки, теребившие мантию:

– Я не знаю, куда мне еще податься.

– Монастырь стал вашим домом?

– Мой дом – песнопения. А их дом здесь.

– Музыка настолько важна для вас?

Брат Люк наклонил голову и внимательно посмотрел на старшего инспектора:

– Вы когда-нибудь влюблялись?

– Влюблялся ли? – переспросил Гамаш. – Я и сейчас влюблен.

– Тогда вы меня поймете. Когда я услышал первую запись, я влюбился. У одного из монахов в моем прежнем монастыре оказался этот диск. Первые записи появились года два назад. Он зашел ко мне в келью и дал послушать. Мы оба пели в монастырском хоре, и ему хотелось узнать мое мнение.

– Каким же оно было, ваше мнение?

– Никаким. В первый раз в жизни у меня не возникло никаких мыслей. Одни чувства. Как только у меня выдавалось свободное время, я снова и снова слушал запись.

– И что с вами произошло?

– Что произошло с вами, когда вы влюбились? Разве вы

в состоянии объяснить такое? Эта музыка заполнила пустые пространства, а я прежде даже не подозревал, что они пусты. Она излечила меня от одиночества, хотя я и не подозревал, что одинок. Она дала мне радость. И свободу. Вот это и есть самое удивительное. Я почувствовал себя поработанным и одновременно свободным.

– Вы ощутили экстаз? – спросил Гамаш, взвесив слова монаха. – Некое духовное переживание?

И опять брат Люк посмотрел на старшего инспектора:

– Не какое-то духовное переживание. Я испытывал их и прежде. Мы здесь все их испытывали, иначе не стали бы монахами. Это было вполне определенное духовное переживание. Не имеющее ничего общего с религией и с церковью.

– Что вы имеете в виду?

– Я встретился с Господом.

Гамаш позволил этим словам отзвучать.

– В музыке? – спросил он.

Брат Люк кивнул. Слов ему не хватило.

Жан Ги посмотрел на скринсейвер ноутбука. Потом на портативную спутниковую тарелку, которую они всегда брали с собой в такие глухие, отдаленные места.

Иногда она работала, иногда – нет.

Почему она работала, а почему нет, было для Бовуара великой тайной. Соединения он всегда делал одинаковые. Настройки тоже. Из раза в раз, во всех расследованиях.

А потом ждал, когда случится неизбежное. Или не случится.

– Merde³³, – пробормотал он.

Но пока еще у него оставался шанс. Он мог попытаться воспользоваться своим смартфоном «Блэкберри».

Он открыл дверь кабинета приора, выглянул. Никого не увидел.

Бовуар сел и большими пальцами обеих рук старательно набрал послание. Если раньше его электронные письма содержали по одному слову или знаку, то теперь – целые предложения. Он писал «вспять», а не «вс5». Никогда не пользовался смайликами или винками, предпочитал передавать свои чувства словами.

И делал это легко. С Анни. Его ощущения были неизменно ясными и очень простыми.

Он чувствовал себя счастливым. Он ее любил. Он скучал по ней.

И потом, если бы он и хотел использовать сокращения и символы, то еще никто не придумал таких, которые передали бы его чувства. Даже слова для этого плохо подходили. Но ничего лучше слов у Жана Ги не имелось.

Каждая буква, каждый пробел приближали его к ней и давали ему не только радость, но и наслаждение.

Анни увидит то, что он создал для нее. Что написал.

Он писал, что любит ее. Писал, что тоскует без нее.

---

³³ Дерьмо (*фр.*).

И она писала ему. Не просто ответы, но и собственные послания. О том, как провела день. Такой наполненный. И все же пустой – без него.

Она обедала с матерью, но все-таки дождется возвращения отца, чтобы рассказать обо всем им обоим одновременно.

«Возвращайся скорее», – писала она. «Я скучаю», – писала она. «Я тебя люблю», – писала она.

И он чувствовал ее присутствие. И ее отсутствие.

– И тогда вы приехали в монастырь Сен-Жильбер, – сказал Гамаш.

– Да, если говорить кратко, – ответил брат Люк. – Но у церкви все долго.

Он казался расслабленным, но, отклонившись от разговора о музыке, снова насторожился.

– Какова же полная версия ответа?

– Чтобы найти тех, кто делает эти записи, потребовалось какое-то время. Я думал, их орден расположен где-то в Европе.

– И все равно готовы были поехать туда?

– Если бы ваша любимая женщина жила во Франции, разве вы бы туда не поехали?

Гамаш рассмеялся. Молодой монах уложил его на лопатки. Точным, выверенным броском.

– Моя жена, – сказал старший инспектор. – Ради нее я

отправился бы и в ад.

– Надеюсь, такой необходимости не будет.

– Она жила в районе Ошлага-Мезонёв³⁴. Так вам, значит, пришлось поискать?

– Я обзавелся только компакт-диском, но без всяких исходных данных. Он у меня до сих пор лежит где-то в келье.

Гамаш тоже купил этот диск около года назад. И он тоже искал на нем выходные данные – хотел узнать про поющих монахов. Но ничего не нашел. Только перечень песнопений. На обложке компакт-диска было изображение идущих монахов в профиль. Изображение стилизованное, одновременно очень абстрактное и очень традиционное. Никаких сведений об авторах. У компакт-диска не было даже названия.

Диск выглядел и был любительским. Звук отдавался эхом и вибрировал.

– Как же вы про них узнали?

– Как и все остальные, я услышал по радио, что их нашли журналисты. Я никак не мог поверить. Все в моем монастыре были поражены. Не только потому, что поющие монахи оказались квебекцами, но главным образом потому, что они – гильбертинцы. Среди действующих орденов они не числятся. Согласно церковным архивам, гильбертинцы вымерли или погибли четыреста лет назад. Гильбертинских монастырей больше не существует. По крайней мере, все так считали.

---

³⁴ Район в восточной части Монреаля, его население составляют главным образом рабочие, студенты и новые иммигранты.

– Но как вы здесь очутились? – гнул свое Гамаш.

Исторический экскурс он мог совершить и позднее.

– Отец настоятель посетил мой монастырь и услышал, как я пою... – Брат Люк неожиданно сконфузился.

– Продолжайте, – сказал Гамаш.

– У меня необычный певческий голос. С редким тембром.

– В чем это выражается?

– В том, что он подходит практически для любого хора.

– Вы гармонично сочетаетесь с остальными?

– Мы все поем одновременно одну и ту же ноту. Но разными голосами. Мы не то что гармонично сочетаемся друг с другом – мы во время пения должны пребывать в гармонии.

Гамаш задумался на секунду о тонкости различия, затем кивнул.

– Я и есть гармония.

Эти слова прозвучали так неожиданно, что старший инспектор вперился взглядом в молодого человека, облаченного в монашескую мантию. В человека, сделавшего такое тщеславное заявление.

– Как? Простите, но о чем вы?

– Поймите меня правильно: я вовсе не обязателен для хора. Компакт-диск тому доказательство.

– Тогда что же вы хотели сказать? – Старший инспектор подумал, что после такого заявления произносить слова смирения поздноватое.

– Любой хор будет звучать лучше с моим участием.

Гамаш понял, что в словах молодого монаха нет ни гордыни, ни хвастовства. А только простая констатация факта. Монахи, наверное, научаются признавать не только свои неудачи, но и таланты. И не притворяются из ложной скромности, будто у них этих талантов нет.

Этот юноша не скрывал своего дара. И в то же время он скрывал свой голос. Приняв обет молчания. В монастыре, столь далеко от цивилизации. От публики.

Если только...

– Значит, на первом компакт-диске нет вашего голоса?

Люк отрицательно покачал головой.

– Но планировалось ли сделать другие записи?

Помолчав, брат Люк ответил:

– Oui. Брат Матье горел этим желанием. Он уже подобрал все песнопения для диска.

Гамаш вытащил из сумки лист пергамента:

– И здесь одно из них?

Монах взял лист у старшего инспектора. Сосредоточился. Замер без движения. Нахмурил брови. Наконец он покачал головой и вернул лист Гамашу:

– Не могу вам сказать, что я здесь вижу. Но могу сказать, чего не вижу. Не вижу григорианского хорала.

– Почему вы так уверены?

Люк улыбнулся:

– Песнопения пишутся по строгим правилам. Как сонет

или хайку. Что-то вы должны делать, что-то – нет. Григорианским песнопениям свойственны строгость и простота. Готовность подчиняться правилам. И вдохновение, позволяющее подняться над ними. Вызов состоит в том, чтобы соблюдать правила и одновременно выходить за их ограничения. Петь Господу и одновременно не выставлять напоказ собственное «я». А это... – он показал на лист в руке Гамаша, – это просто чушь.

– Вы имеете в виду слова?

– Я не понимаю слов. Я говорю о ритме, метре. Он не отвечает требованиям. Слишком быстрый. Ничего похожего на григорианские песнопения.

– Но здесь есть эти завитушки. – Гамаш показал на значки над словами. – Невмы, верно?

– Да. Они-то меня и беспокоят.

– Беспокоят, брат Люк?

– Автор хотел, чтобы это выглядело как григорианское песнопение. По внешнему виду оно и есть песнопение. Но только самозванное. Где вы его нашли?

– На теле брата Матье.

Люк побледнел. Гамаш знал, что человек, как бы ни старался, не способен произвольно бледнеть и произвольно краснеть.

– О чем это вам говорит, брат Люк?

– О том, что приор умер, пытаясь защитить то, что ему дорого.

– Это? – Гамаш приподнял руку с листком.

– Нет, вовсе нет. Вероятно, он взял эту бумажку у кого-то. У кого-то, кто пытался превратить песнопения в шутку. Пытался сделать из них омерзение.

– Вы думаете, это был акт кощунства?

– Тот, кто это написал, достаточно хорошо знаком с григорианскими песнопениями, чтобы высмеивать их. Да, он сделал это осмысленно, как акт кощунства.

– Вы сказали, что автор достаточно хорошо знаком с песнопениями? Кто это, на ваш взгляд? – Гамаш посмотрел на молодого монаха.

Брат Люк не ответил.

Гамаш немного подождал, потом заговорил. Он знал, что иногда молчание бывает полезной тактикой, гораздо более действенной и угрожающей, чем обвинения и оскорбления. Но у здешних монахов молчание превратилось в утешение. Зато произнесенное вслух слово их почти пугало.

– Кто так сильно ненавидел брата Матье, что не остановился перед тем, чтобы высмеять дело его жизни? Кто ненавидел его настолько, чтобы убить?

Люк хранил молчание.

– Если все здешние монахи любят песнопения, то почему один из них издевается над ними? Создает то, что вы называете омерзением?

Гамаш поднял пергамент и чуть подался вперед. Люк слегка отпрянул, но тут же уперся в стену.

– Не знаю, – ответил он. – Знал бы – сказал.

Пристально посмотрев на брата Люка, старший инспектор решил, что тот, вероятно, говорит правду. Он любил песнопения и явно восхищался приором и уважал его. Брат Люк не стал бы защищать того, кто мог убить и приора, и песнопения. Пусть молодой монах не знает, кто убийца, но подозрения у него могут быть. Как сказал ранее отец Филипп, Гамашу требовались доказательства, а монаху – только вера. Верит ли брат Люк, что ему известно, кто убил приора и высмеивал песнопения? И неужели он настолько самонадеян, что считает, будто сможет разобраться с этим без посторонней помощи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.